

ВЛАДИМИР ЕРАНОСЯН

ФРОНТМЕН

Шоу состоится во что бы то ни стало...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Максимович Ераносян

ФРОНТМЕН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55841287

SelfPub; 2022

Аннотация

История азарта, любви и мести. Взгляд на игорный бизнес изнутри. Автор ввергает в шок и рушит стереотипы... Декларативный запрет на игорный бизнес вынуждает известного промоутера работать в подпольном казино. Но жить вне закона оказывается не так страшно, как влюбиться в девушку самого крупного игрока. Сюжет основан на реальных событиях. Содержит нецензурную брань.

Владимир Ераносян

Фронтмен

Играть во что бы то ни стало...

Ночная работа имеет плюсы. Припарковать машину в Москве реально только ночью. Я подъехал к отелю «Холидей Инн» на Суцевском без пробок и посмотрел на часы. Ровно через час начиналось мое шоу в самом большом катране Москвы, работающем, невзирая на запрет игровой индустрии. Коррупция расцветает, когда декларации о борьбе с ней произносятся как речевки...

Нужно было поторопиться, чтобы все успеть...

Модель из Могилева или из Магадана, из головы место ее рождения безвозвратно вылетело – моя новая фаворитка, имя которой я пока не запомнил, ждала меня на восьмом этаже в весьма бюджетном по московским меркам номере. Я не печатаю деньги – это прерогатива Национальной резервной системы США. Если им надо купить элиту какой-нибудь страны – они могут просто напечатать новый тираж зеленых. Мне же покупки стран были не к чему, достаточно было про-

винциальных монекенщиц. Они намного дешевле. Так что клише для фальшивого станка мне не требовалось.

По телефону я сообщил ей, что времени в обрез. Это означало, что ей следовало подготовиться к моему визиту.

Молодка знала о моих пожеланиях, ведь я слыл «визуалистом», а эстетам незачем глубоко конспирироваться, особенно если они гетеро. Итак, когда я вошел, на ее ногах уже красовались тупоносые лакированные босоножки, а на теле – нижнее белье. Конвульсирующим при упоминании брендов и лэйблов надо обязательно знать, что на ней были босоножки «Прада» и нижнее белье «Агент Провокатор» от Джо Корра. Дочитав данный абзац, любители мишуры могут спокойно закрывать книгу. Надписи на ярлыках моих рубашек им было бы читать гораздо интереснее, чем литературное произведение амбициозного автора...

Я же приступаю к повествованию основной фабулы, рассчитывая на глубокомысленного читателя, даже если он из узкого круга. Всегда стремился к широкой известности в узких кругах... Претендую на внимание, если не мельпомены в купе с богемой и бомондом, то хотя бы близких родственников, друзей и безнадежных романтиков, ищущих любовь.

...Похоже, я лукавил и все-таки замахнулся на массового читателя... Ладно, массы, уговорили. Для вас моя книга. В один прекрасный день читатель меня поймет и наградит своей любовью...

Начинаю... На девушке был минимум одежды.

— Отлично, – оценил я. Моя оценка ничего мне не стоила. Поэтому я добавил, – С плюсом! – Это все равно, что выставить оценку фотографии на «Одноклассниках». Вот где щедрость не знает предела! Она может дойти до гипертрофированного уровня, когда ты начинаешь дарить виртуальные подарки незнакомкам. Главное, вовремя остановиться.

Приплачивать наяву моделям приходилось лишь на шоу. Причем из своего кармана. Модели получали по 150 баксов за розыгрыш. Фаворитки – в два раза больше. При этом они априори не считали себя проститутками. А следовательно, в какой-то момент превращались в попрошаек.

Я снова посмотрел на часы.

— В нашем распоряжении полчаса. Время пошло. Поехали!

...Мы занялись тем, что принято называть любовью, и что не имеет к любви никакого отношения. Дефицит времени не оставил двуспальной кровати ни малейшего шанса быть использованной по назначению. Горничная оценила бы мою аккуратность. А если бы она была хороша, и у меня бы завалился лишний часок, то и все остальное. Внесу поправку – перед любым делом надо хорошенько выспаться, тогда гормоны пребывают в гармонии даже у гармониста...

Когда я оделся, меня уже не в первый раз спросили про обещанный ноутбук фирмы «Эппл-Макинтош». Эта девушка одинаково хорошо справлялась с антагонистическими вещами – великолепно расслабляла перед шоу и сильно раз-

дражала по жизни. А еще она брызгалась моим мужским одеколоном, не смотря на то, что намедни я подарил ей женские духи.

— Так ты дашь мне деньги на ноутбук?

— Как это грустно... – выронил я, – ты же только что кричала, что тебе было хорошо.

— Да, ты классный, и что с того?

— Значит, я тебе ничего не должен.

— Но ты же обещал!

— Ладно, в следующую субботу гарантирую.

— Ты не выполняешь обещания, а только гарантируешь их!

— Хочешь, чтобы я пообещал не гарантировать свои обещания? – почти проглумился я, пустив в ход проверенные уловки.

— Нет... – захлопала глазами модель, поставленная в тупик моей софистикой.

— Я всегда что-то преувеличиваю, когда разговариваю с девушками. При этом я никогда не отказываюсь от того, что я обещал. Но заметь, сроки выполнения обещаний мы не устанавливали...

— Значит, ты врун?! А тебе бы было приятно, если бы девушки ввали тебе?

— А бывает по-другому?

Я хлопнул за собой дверь и понесся на шоу, застегиваясь на ходу. По дороге я силился вспомнить имя юной моде-

ли из Могилева или Магадана, но вспомнил только то, что она уроженка Кагалыма. Высокая брюнетка с идеальным, ухоженным за деньги многочисленных спонсоров телом. Она всегда прощала мне грубость и довольствовалась малым. Видимо понимала, что мне есть на кого транжирить деньги, и что она может легко выпасть из обоймы, потеряв вполне осязаемый приработок, ежемесячные подарки, романтические ужины и приятные уикенды за городом. Поездок за рубеж я ей не обещал. Или обещал? Кому-то точно обещал. Но та была не из Кагалыма, а, кажется, из Симферополя. Нет, из Севастополя...

Краем уха я услышал ругань за дверью. Симптоматично, но проклятия звучали не в мой адрес. Она уже разговаривала по телефону с кем-то, кто ждал ее в отеле «Арарат Хайат»:

— Ты обещал деньги на ноутбук! Шестьдесят тысяч! Ладно, не ори! Еду!

Однозначно, в отношениях с мужчинами brutальная любовь для крошки была вторичной субстанцией, она чувствовала это всем своим нутром на молекулярном уровне. На этом уровне ей не было равных. Я же надеялся, что уже перешел на следующую ступень, в высшую лигу, в первый дивизион... Но всякий раз, наталкиваясь на один и тот же барьер, когда очередная подружка выходила за рамки *over draft**, я понимал, что *game over**. И я начинал сначала, с того самого примитивного этапа, который уже проходил не раз, но так и не уяснил, что застрял там навсегда.

С Тверской я свернул на Гоголевский бульвар, затем на Сивцев Вражек и Садовое, поворот у «Спортмастера» перед Лотте Плаза, и я – с тыльной стороны казино. Перед шоу я забежал на «ресепшен» спросить:

— Для меня ничего?

— Есть конверт. Курьер только что доставил.

Это был пригласительный билет на День Рождения. Читать, на чей именно, было некогда. Оставалось две минуты.

— Прошу уважаемых игроков опустить свои билеты с номерами клубных карт в лототрон, – объявил я в микрофон, – Шоу начинается...

В этот раз шоу закончилось провалом. Едва ощутимым. Не полным. Без потерь и недовольных. Просто яйцеголовые техники перемудрили с реквизитом. В общем, фиаско кроме меня никто не заметил. Из всех задействованных артистов и обслуживающего персонала переживал только автор. Для меня ведь любое шоу, как ребенок.

Не все коту масленица! Зато какую идею загубили... Но шоу всегда можно модифицировать! И продолжить с той же начинкой, но под другим соусом. На то оно и шоу, чтобы продолжаться!

* over draft – превышение кредитного лимита (*пояснение для тех, кто не снимал деньги из банкомата, авт.*)

*game over – игра закончена (*перевод для тех, кто в школе учил немецкий, авт.*)

Я не очень-то хотел идти на это мероприятие. Это был День рождения девушки по имени Оля Волгаева, которую я совсем не знал, но, как мне шепнули по секрету – она знала меня. Ничего удивительного, если она хотя бы раз бросала фишку на анте. В московских катранах, как ранее в казино, меня узнавала каждая собака. А так как людей там обитает весьма ограниченное количество, то меня знали почти все, во всяком случае завсегдатаи – крупные игроки. Еще бы, ведь когда-то я был фронтменом – арт-директором крупнейшего казино на новом Арбате. Эти благословенные времена закончились резко – 1 июля 2009 года, когда закрыли все казино... Я назвал это событие «июльским зеро».

Все, кто был связан с этим бизнесом, перестали «включать надменного», а фронтмены казино, потеряв кормушку, в одночасье перестали быть лицами публичными. Креатив на шоу теперь был не востребуемым. «Селебритис» в качестве ведущих тоже. Чем тише – тем спокойнее. Проход в заведение только по рекомендации. Аналогия напрашивалась сама собой. Когда проституток выгнали с Тверской и Ленинградки, они освоили интернет. В гостиных салонов на ажурных столиках появились визитки с телефонами всевозможных «крыш». Посетители не сомневались, что они «мусорские». Так же и с казино, все работает особенно слаженно, когда категорически запрещено законом. Россия-матушка не раз доказывала миру, что ее нельзя уничтожить. Она

неистребима, как непобедима коррупция. Если б Семья не разворовывала транши МВФ, Россия раздробилась бы на гораздо большее количество кусочков...

Самый известный из казиношных фронтменов – Дима Дибров, мой бывший сосед по новоарбатской работе, снова ушел в телевизор. Ему было полегче, чем мне. Ведь он был в чести не только у воротил рулетки и блэкджека. ДД – медийный персонаж, знаковая фигура в интеллектуальных теледопросах. Все понимали, что он не пропадет. Поэтому ему никто и не предлагал подтягивать игроков в катраны. Для этого был я.

Это было противозаконно. Знал ли я об этом. Догадывался. Но верил в коррупцию как в «Отче наш». Плюс кризис, неуверенность в завтрашнем дне. Так что я согласился.

Со временем все успокоилось. Притерлось. Владельцы моего катрана переместились в центр, расширились и поддались моим уговорам возобновить шоу. В лотерейных шоу можно было разыгрывать что угодно. Билеты на них, естественно, выдавались крупным игрокам. Я окунулся в привычную работу. И хотя, публика у нас – не сахар, большинство игроков видело во мне легенду игорного мира с незапятнанной репутацией. В бытность мою креатив-директором и шоуменом казино я отказывался даже от чаевых. Словом, они приходили на мои «Честные шоу».

В основном им было все равно, кто будет раздавать деньги на шоу, лишь бы раздали именно ему. Однако, им было при-

ятно не просто столкнуться с запретным, но и прикоснуться к легендарному. В этом был новый шик. Здесь вновь стали появляться звезды. Без страха быть сфотографированными папарацци. Все функционировало в закрытом режиме, с богемным привкусом нарождающейся свободы, с иллюзией новой оттепели и вожделием элитарного кайфа. Кокаиновые бароны, сутенеры и икорные контрабандисты облюбовали новую точку, когда поняли, что «крыша» здесь надежная. Что никто никого не сдаст.

Смачно затягиваясь «Коибой-эксплендидо», депутат играл в запрещенный блэк-джек. Его ждали две нелегальные проститутки, которые поглощали ложками контрабандную белужью икру, доставленную из Астрахани проверенным трафиком – через коррумпированных таможенников.

Итак, мой верный читатель, настала пора познакомиться. Поверь мне, я тебя уважаю, считаю неглупым, уверен, что ты и сам все знаешь, во всем можешь разобраться. Единственное, на что я искренне надеюсь – что, обнаружив в моем тексте мой главный недостаток – тщеславие, ты простишь меня. Простишь меня за то, что я пытаюсь блеснуть эрудицией. Это действительно так. По мне так лучше блистать эрудицией нежели сверкать голым задом! Еще я козыряю знаниями, порой энциклопедическими. А чем еще козырять кандидату политических наук. Пойми – в моей работе шоумена, в ивент-индустрии необходимо источать лоск и уверенность. Иначе никто не поверит, что любую фантазию, любую меч-

ту клиента ты способен воссоздать наяву, ибо ты волшебник своего дела. Для кого-то ведь мечта дороже жизни. И трудно бывает понять, что Жизнь и есть мечта. Кто поймет, тот и победил. Тот не станет вымерять свои грезы весами жизни... Это пока не про меня.

Меня зовут Владимир. Я промоутер, шоумен и рэпер. Мои тексты для взрослых я читаю сам. Я веду праздники у богачей и торгую звездами...

Судя по размаху, с которым леди решила отметить свое двадцатипятилетие – эта молодая владелица алого "бэнтли" являлась клиенткой, пусть даже потенциальной, нашего подпольного только для подпольщиков казино. Во всяком случае, поигрывал ее "папик" – уж это я знал наверняка. Тех, кто ставит на анте две фишки по пять тысяч разом нельзя не знать в лицо. Вадик был депутатом, одновременно являясь воротилой пиратского кино и нелегальным продавцом оружия. Оля Волгаева не была за ним замужем.

Вадик – обладатель двухмиллиардного состояния, добрая половина которого могла поместиться в мешки под его глазами, был далеко не молод, лыс плюс сед, и после одного взрыва в конце девяностых передвигался на инвалидном кресле-каталке. Однако он был достойным кавалером, выдернувшим архангельскую красотку из многодетной семьи со злач-

ного заведения господина Ван Ли Хана на Спиридоновке, того, что по праву считается самым дорогим публичным домом в Первопристойной и безмятежно функционирует по соседству с одним из зданий ФСБ. Так же безмятежно, как наш катран напротив... Ой. Не буду «палить» владельцев. Хотя, конечно же, Оля до сих пор утверждала, что до знакомства с Вадиком работала танцовщицей стрип-шоу. Но ведь танцовщицы должны танцевать, а не работать...

Вадик был игроком со стажем. Сладким, так как его стаж никак не влиял на его игровые способности. Видео-наблюдатели из мониторинга рыдали от смеха, когда Вадик входил в раж и делал сплит на шестерках против туза у дилера. Казиношники всегда ждали его с нетерпением и распростертыми объятиями, зная о неограниченном финансовом ресурсе господина Гараева, о котором было доподлинно известно то, что в девяностые он многим помог, и теперь все с благодарностью помогали ему, пополняя счета принадлежащего ему благотворительного фонда с убаюкивающим РУБОП названием "Пенсионер".

Как-то мне сообщили, что Вадик Гараев затаил на меня личную обиду. Это произошло в тот злополучный день, когда я не забросил лотерейные билеты Вадика в лототрон. Но таковы были правила, и я тут ничего не мог поделать, ведь Вадик опоздал на целый час. Подкатился по-тихому к сцене, уставился на меня, словно я ему чем-то обязан и должен немедленно остановить розыгрыш. Я остался непреклонен.

Вадик так же по-тихому, без скандала уехал в направлении лифта и покинул казино.

Дежурный менеджер поведал мне задним числом, что на этот раз билетов у Вадика было больше всех, и он в уме уже подбрасывал ключи от роллс-ройса, что он наверное сильно обиделся на весь персонал игорного заведения и необратимо потерял для казино.

Я приготовился к выговору или штрафу. Ведь с Вадика сдували пылинки даже, когда он запускал пепельницу в дилера и тушил бычки об официантов, когда он орал на пит-боссов благим матом и требовал из ресторана блюда, которых не было в меню. Он стучал руками по небоскребам стеков с оранжевыми фишками с такой силой, что они крошились. Но ему все равно меняли их на кэш и раскланивались всякий раз, когда он уезжал. И я осмелился обидеть такого клиента...

Однако господин Гараев появился уже на следующий день и прокатал очередную порцию своего несметного состояния. Поистине, он как курочка сносил в казино золотые яички... Я подавил в себе гордость и подошел к нему с извинениями, но он никак не высказал своей обиды и тем более неприятия. Да, и его окружение не проявило никаких признаков агрессивности. На вопрос, не слишком ли он расстроился, не став обладателем главного приза, он технично отшутился:

– Роллс-ройс у меня итак есть. "Фантом". Пылится в гараже.

– Я слышал о Вашем парке из семнадцати автомобилей. В русской версии "Форбс" о них писали. У меня одна машина – и то головная боль. Сигнализацию спутниковую поставил, но говорят, что угонщики просто прячут машину в бетонку. А там сигнал не ловится.

– А у тебя, я слышал, "мерседес" новый?

– У Вас хорошие информаторы. Да, спасибо новогодним халтурам, пахал как папа Карло – приобрел мечту всей жизни. Я ее заслужил. Начинал с вишневой девятки – дорос до вишневого "мерседеса".

– Поздравляю, есть хорошие машины, а есть "мерседес". Спутниковая сигнализация – вещь надежная. Никто у тебя твой "мерин" не угонит. Это я тебе гарантирую...

– Ваши слова да Богу в уши.

– Я атеист, – резко отрезал он, на секунду посуровев, затем, вернувшись к предмету беседы, добавил, – Ну что, конь у тебя теперь вороной, пора невесту воровать.

– Пока сердце ни к кому не лежит, – посетовал я вслух, – Все какие-то алчные.

– Хочешь, поможем тебе подобрать достойного человечка, женим тебя.

– Не думаю, что у Вас это получится. Среди Ваших поклонниц замечены одни модели, танцовщицы, да амбициозные начинающие певички. Этого добра у меня самого хватает.

– Ты прав, мы оба не там с ними знакомимся. В этом во-

просе я тебе не помощник, мне за тобой не угнаться.

– Да, как говориться, хочешь нас остановить – сперва попробуй догнать.

– Будь здоров... – бросил Вадик на прощание и проследовал в зарезервированный для него стол для покера.

Вот и все, такой состоялся незамысловатый разговор. Возможно, я был не совсем корректен в выборе слов и не к месту вставил этот долбаный афоризм, особенно в контексте инвалидности моего собеседника, но, что сказано, то сказано. Во всяком случае, откровенность нельзя расценивать как грубость. Это раз. А во-вторых, я ему не лакей, а он мне не барин.

И вот неделю назад Вадим Гараев обратился ко мне за помощью в организации закрытой вечеринки в окрестностях Рублево-Успенского шоссе. Причем обратился лично, подъехал, как водится, на своей автоматической каталке и запросто, без тени заносчивости, спросил:

– Ты же дружишь с ребятами из "Камеди"?

– Да, когда-то именно я инициировал рождение этого шоу – посвященные знают.

– Сможешь их притащить ко мне на вечеринку?

– За Ваши деньги – любой каприз, уже неоднократно их возил. Вам кто конкретно интересен из ребят?

– Все.

– Нет проблем, – ответил я, и Вадик пожал мне руку. По-приятельски. Он улыбнулся. И эта улыбка не показалась мне

натянутой, словно, нарисовалась она на устах загадочного друга.

А вчера курьер доставил мне приглашение на юбилейное торжество его пассии. Значит все действительно в порядке. Он же умный человек и не держит на меня зла. К тому же, он знает – я всего лишь честный шоумен, по большому счету я ничего не решаю... Он наверняка забыл о том нелепом инциденте. Такие люди не мелочатся, ведь скорее всего, я для него – пустое место. Он олигарх – я обслуга. Так он считает. Высокооплачиваемая, но обслуга. Хотя, наверное, он меня уважает. Иначе, зачем бы я понадобился ему на празднике его возлюбленной в качестве гостя...

* * *

...Вадик захотел построить для своей Оли волшебную страну Оляндию. Праздник, идеально спланированный и даже отполированный престижным ивент-агентством «Вера промоушен», должен был состояться в семи километрах от Московской кольцевой автодороги, в небезызвестной деревне Барвиха, на огороженной высоченным кирпичным забором территории замка барона Майендорфа... Я попал туда, миновав два кордона, и предъявив свой паспорт сперва круглолицым ментам из отдела вневедомственной охраны, а потом лицензионникам Вадика из его "лички".

Замок постройки времен Александра Третьего сто-

ял на балансе Управделами Президента. Седовласые дворники выглядели здесь как ветераны спецслужб. Перед началом праздника они чинно расхаживали по аккуратно выстриженным аллеям, нехотя нагибаясь за редкими окурками, словно внутренне сожалея, что это не замаскированные передатчики, и педантично укладывали немногочисленный мусор в компактный контейнер.

Скрипу тормозов предшествовал вонзившийся в сравнительную умиротворенность аперитива рэп-сингл «Цыпа»:

Давай, про любовь цыпленку не лги!
Ему хочется жрать – такие пироги!
Ему не стать ни петухом, ни курицей,
Он рос без гувернантки, на улице!
Цып, цыпа-цыпа, е! Гоп-стоп!
Цып, гули-гули. Ё! Хип-хоп!
Не буду я вам читать белиберду
Про сюси-пуси. Мой текст про еду!
Про простую еду, не жратву с кабака,
Им не сделать из меня цыпленка табака!
А вокруг одни мажоры – они обжоры!
Ведут типа светские они разговоры...
На столе фуагра, ананасы и опята
И зажаренные без костей цыплята...
Рады, что им не стать петухами,
Но им не повезло – их съедят с потрохами...

Со словами "Заклюют цыплят продажные курицы, которые не знают законов улицы..." именинница появилась на своем двухдверном "бентли", припарковав его прямо у фронтона замка. Фасад строения украшал огромный портрет виновницы торжества кисти новомодного Даниила Федорова, чьи картины стало иметь престижно в лучших домах Рублевки и Новой Риги сразу после того, как живописцу заказала свой портрет Памелла Андерсон, а за ней вся первая десятка русских топ-моделей. Бэнтли на фоне подсвеченного портрета шикарной блондинки смотрелась вполне органично.

Видео-операторы с камерами хай-дифинишен стоимостью в миллион каждая застыли в ожидании появления "принцессы". Такая аппаратура сгодилась бы и для съемок полнометражного кино! Я поймал себя на мысли, что конечно сэкономил бы на видеосъемке, используя обычную "цифру", но у богатых свои причуды. Наверняка именно эти причуды и привели в 17-ом к революции.

Передвижная телестанция транслировала происходящее в режиме «он-лайн» на несколько десятков проекционных и плазменных экранов, коими был усеян не только шатер на двести посадочных мест, установленный перед фонтаном, но и обе части строения, включая гостевой флигель.

Лакей в расшитом золотом камзоле открыл дверцу алого "бентли", и Оля выпорхнула в своем газовом платице цве-

та мутной бирюзы, побудив мужчин к облизыванию, а женщин – к зависти. Эта загорелая блондинка напомнила мне кубинское манго, наполненное соком настолько, что вкусивший его не почувствовал бы мякоти, даже если бы проглотил шкурку. После выездной акции на остров Свободы, где мулатки, креолки и тригеньи воспринимали меня как мороженое, я на время научился сдерживать свои эмоции, когда дело касалось красоток вроде любовницы олигарха Вадика. Но тут был не тот случай. Изобразить на лице безразличие мне не удалось.

Она не спеша продефилировала мимо друзей и прихлебателей Вадика, позволив всем изнасиловать себя глазами. При этом она надменно ни с кем не поздоровалась. Ни с кем, кроме меня. Меня виновница торжества одарила непонятным подмигиванием. Из уже убитого «Одноклассниками» сайта знакомств на "Мэйле" я произвольно вспомнил набившую оскомину формулировку: "Вероятно, она хочет познакомиться с вами, или просто выражает свою симпатию". В этот момент меня в который раз в жизни атаковали беспощадные метеориты тщеславия и высокомерия, и я самоуверенно посчитал себя красавчиком.

К выступлению готовились теноры и баритоны хора имени Пятницкого, а так же артисты кукольного театра для взрослых «Ламандия-шоу». В программе были группы "Тату" и "Чай вдвоем", "Мамульки бэнд" из Ярославля, гномы с белоснежками, мажордом-итальянец, предводительствующий

щий венецианской толпой из полдюжины Пьеро и коломбин, Инесса Арманд, пограничники, таможенники, рикши-культуристы и угрюмый проводник Иван Сусанин, вернее загримированный под героя народного эпоса известный актер Малого театра... Готовились все, кроме ведущих-резидентов "Камеди Стайл", за которых персональную ответственность как на зло нес именно я...

Я давно знал, что четверка учредителей "Камеди", к рождению которого я имел самое прямое отношение, запустив проект в клубе на Остоженке, люди уникальные. А значит, на них нельзя было обижаться ни при каких обстоятельствах, просто с ними надо было держать ухо востро. А все потому, что моего друга, красноречивого Каспера было легко перекупить большим гонораром и соблазнить более перспективной встречей. Дружище Марти, самый талантливый, стал ныне настолько политически востребованным, что его аэрофобия имела все шансы превратить его в полного пешехода, а свиноподобный Адик... к сожалению, оказался вовсе моральным уродом, у которого при обыске в армянском аэропорту "Звартноц" не обнаружили ничего святого. Предмет, извлеченный из внутреннего кармана его пиджака и принятый по ошибке за украденную из Эчмиадзина свечку оказался всего лишь кубинской сигарой, да и то – контрафактной. Исключением являлся Таш. Но с Ташем договариваться о "заказниках" и корпоративных концертах сейчас было бесполезно, ведь он выползал из своего ночного клуба "Техника

молодежи" – тусовочного места на Голден-стрит, только на футбол. К тому же Таш всегда был настолько дальновиден, что, во-первых, придумал "Камеди", а, во-вторых, ни за кого не поручался.

Теперь, спустя семь лет после старта ошеломившего москвичей, законных и незаконных мигрантов, а затем всю страну и сопредельные государства проекта, все они были миллионерами, что означало только одно – их аппетиты выросли как на дрожжах, вследствие чего проект еле дышал. По этой причине я предпочитал договариваться с независимыми резидентами "Камеди" напрямую. Артисты с удовольствием шли на выгодные сепаратные сделки. Я мотивировал свои действия сокровенным признанием: "Я не люблю Ади-ка".

Они отвечали: "А кто его любит", и даже не пересчитывали предоплату. Они также понимающе кивали, когда я сетовал на друга Каспера, имевшего отвратительную привычку менять состав концертной труппы в последний момент то ли оттого, что просадил предоплату в "Шангриле", то ли от того, что Ревва давал сольный бенефис, то ли просто от жадности. Так и есть – когда дело касалось "Камеди", я напрямую звонил звездным резидентам, с которыми разговаривать было куда проще и на порядок дешевле, чем с держателями брэнда.

И в этот раз, когда ровно неделю назад господин Га-раев попросил меня привезти ему "Камеди", я захотел пере-

страховаться. Просто еще свежо было в памяти единственное мое промоутерское фиаско – конфуз с претенциозной группой "Воскресенье", один из лидеров которой по дороге на праздник в коттеджный поселок на Истре вдруг вспомнил, что за День рождения его культовая группа берет больше, чем за корпоратив. За столь несвоевременный шантаж я отправил его сгоряча на вечный разогрев к "Машине времени", к слову, куда менее пафосной, и убедил заказчика, что еще не поздно заменить "Воскресенье" Александром Серовым. В итоге Серов был великолепен, а лысый господин из «Воскресенья» не вернул мне из предоплаты двести баксов, самостоятельно вычтя их на транспортные расходы. Потом я узнал, что этими двумя сотнями никто не подавился, иначе группа не смогла бы выступить на следующий день в "Джазтауне" на Таганке.

Да, артисты, как впрочем и крохоборы, бывают разные. Хотя, душа коробейника не расширится вслед за его мощной. Миша Турецкий истерично уверял однажды, что у его хора пропадают билеты на самолет, и он опоздает на гастроли, если его не выпустят на сцену до Чумакова. Леха – свой парень, согласился подождать, расслабившись за чашкой кофе с моей симпатичной помощницей. А тут вдруг выясняется, что Турецкому заплатили еще один гонорар и он собрался "калбасить" по второму кругу, отложив ради дабл-халтуры рейс или поезд. Он уже и сам забыл, на чем якобы уезжал, так как сидел за столом щедрого заказчика и цинично

улыбался во весь рот, когда на сцену все же вышли Чумаков с Панайотовым. Без всякого смущения кушал, выпивал и глазел с превосходством Борна на ничем не уступающих его рабскому хору артистов.

Итак, я вознамерился перестраховаться, но сумма, которую выложил за "Камеди" Вадик почти в два раза перекрывала их реальный ценник. За такие деньги Каспер приволок бы лучший состав, включая Гарика Бульдога и Батруху, Галыгина, Волю и Ревву. Я попросил бы бонусом Пашку прочитать свою «Барвиху». Да, тогда я решил не париться и все-таки позвонил Касперу.

Я позволил себе расслабиться. Дел сейчас было невпроворот, а всех денег не заработаешь... Каспер обрадовался возможности легкой наживы и гарантировал, что не подведет. На том и порешили.

Я приехал в Барвиху на своем новом темно-вишневом "мерседесе" и был уже навеселе, не опасаясь гаишников, так как собирался пить мало и остановиться минимум за три часа до отбытия. При такой изысканной закуске все однозначно выветрится. Погода стояла солнечная, настроение приподнятое, после лицезрения Оли даже очень приподнятое, а при виде ее подружек – бывших коллег со Спиридоновки, оно вообще рисковало зашкалить.

Заметив на территории Оляндии первоклассных импровизаторов из «Уездного города» Серегу и Женечку, я сперва не мог взять в толк, зачем Вадику понадобились еще

и "камедианты". Эти двое могли провести вечеринку и без посторонней помощи, особенно при столь насыщенной программе. К тому же, в отличие от Оскара Кучеры им не требовалось много артистов, они могли болтать часами, им было о чем поговорить друг с другом и с гостями. Но я остановил себя на мысли, что каждый изгаляется как умеет, или, как позволяют его финансовые возможности.

За те деньги, что заплатил кавээнщикам Олин олигарх, они водрузили на себя каски и устроили контрольно-пропускной пункт со шлагбаумом для прибывающих в Оляндию гостей. После шутливой проверки документов желающих попасть на аперитив на своих спинах несли мускулистые рикши. Любителей пеших прогулок провожал Сусанин, следуя по дубовой роще мимо шалаша Инессы Арманд, возле которого разводили огонь сказочные гномы и бродили эротичные коломбины. Транспортировку детишек осуществляли коротконогие пони, которых вели под уздцы деловитые карлики в шведских треуголках.

Волноваться я начал за полчаса до времени выхода на сцену "Камеди". Я позвонил Касперу. Его телефон был отключен, или находился вне зоны действия сети. Монотонный голос оператора сотовой связи барабанил по ушам, развивая чувство тревоги, которое превратилось в панику после сотни нажатий на левую верхнюю клавишу моего "верту-констэл-эйшн", ровно в девять вечера, когда я вдруг догадался, что надо звонить ребятам. Все они, Паша Воля, Тимур Каштан и

Вадик Рэмбо клялись, что им вообще ничего не известно об этом мероприятии, что Каспер им ничего ни про какой День рождения не говорил. Гарик Бульдог вообще находился за тридевять земель – на гастролях в Ростове. И тут я понял, что попал...

* * *

Говорят, в период стресса люди начинают курить. Я же наоборот бросил курить семь лет назад, в августе 2000 года, именно вследствие личной трагедии, через две недели после похорон отца, когда отчетливо осознал, что не проявил к самому близкому человеку должного внимания в самый тяжелый период его затухающей жизни. У меня вообще многое происходило не так, как у людей. Данный мной в момент наигнуснейшего состояния депрессии интуитивный зарок больше никогда не курить и не ухаживать за замужними дамами и вправду сделал меня намного спокойнее, здоровее и богаче. Не ведаю, как мой зарок был связан с моим нынешним состоянием душевного равноденствия, но теперь я был самодостаточен, доволен собой и по большому счету не хотел ничего менять. За меня все изменили обстоятельства...

Я принял еще пятьдесят "хенесси" и с поникшей головой отправился к террасе с каменным парапетом. С ее высоты открывался живописный вид на лес и озеро с сооруженным в его пределах готическим каменным мостом, при-

чудливым отголоском рыцарских времен. Если бы я вдруг собрался вызвать какого-нибудь негодяя на дуэль, то пожелал бы расправиться с обидчиком именно здесь. Хотя теперь другие времена. Люди стали изощреннее в подлости и посмеиваются над неотвратимостью наказания. Что ж... Не мне устанавливать правила. А может быть даже лучше, что месть перестала быть скоропалительной. Ограниченная законом, она получила возможность передышки от гнева и приобрела холодную избирательность в методах исполнения. Носитель ярости слишком заметен и непрезентабелен. Другое дело, продуманный мститель, долготерпеливый, вооруженный идеологией и планом. Вот где кроется погибель коварству и низости.

"Чего это вдруг меня бомбардируют мысли о мести», – подумал я, но вспомнил о Каспере, Адике, всяких-разных крикунах из казино и еще куче всевозможных "полупокеров", которым я ничем не обязан, но которые в разные периоды моей скромной, но искрометной биографии пытались осложнить мне жизнь. Они даже не думали о том, что и я могу не на шутку обидеться. Они делят людей на лохов и крутых, на овец и волков, мать их... Лох ведь тоже может быть чьим-то отцом, мужем, братом. На это возомнившим себя сильными мира сего наплевать. У них нет тормозов, пока они в силе. Пренебрежение к людям – еще пол беды. Оно хоть объяснимо. Выгоднее общаться с равными, время-то не казенное. Понятно, заняты. Размышления об ограниченно-

сти времени с натяжкой даже можно определить к мыслям о бренности телесной. Но ведь я наблюдал вопиющее.

Они могут отнять квартиру на Большой Ордынке у беззащитной сироты, оскорбить человека при его ребенке. Могут строить глазки чьей-то девушке при ее кавалере, выпячивая на люди свое неоспоримое превосходство. В старые времена за это можно было схлопотать пулю, не изподтишка, на честном поединке, один на один, на ристалище благородства и попоранной чести, вне зависимости от статуса и достатка. А теперь?

Да нет, и теперь все так же, просто чуточку иначе. Не обязательно обращаться к секундантам и горделиво сплевывать в сторону врага косточку от вишенки. Они в силу своей недалекости не догадываются о том, что когда-нибудь кто-то поступит с ними так же, как они поступали с другими... Провидение само выберет место и всучит в руки незаслуженно обиженного орудие мести... Хотелось бы в это верить..."

– О чем грустим в мой праздник? – рядом стояла та самая блондинка, которая привезла себя на "бентли".

– Да вот... Хочу поздравить Вас с Днем рождения. – пробубнил я.

– Так заунывно меня еще никто не поздравлял, – улыbnулась девушка, – А я Вас знаю. Вы ставили шоу в казино, когда они функционировали. И сейчас, кажется, этим же занимаетесь. А розыгрыши тоже нелегалы?

— Они намного легальнее, чем сами казино. Скажу боль-

ше, в некотором роде шоу легализуют заведения. Лотереи и букмекеров никто не запрещал.

— А рулетки?

— Здесь я бессилён. Игроков не переделать. А я пытаюсь заниматься чем-то другим. Ивентом. Да, ивентом и промо.

— Вы же прирожденный шоумен. Я видела, кажется "Гангстер-шоу" – там, где бутылочки всплывают со дна аквариума. Мне очень понравилось, очень искусный плагиат фильма "Однажды в Америке", адаптированный под казиношный формат. Это я попросила Вадика Вас пригласить.

Случись это обвинение в плагиате в иных обстоятельствах и года три назад, я бы не пропустил его мимо ушей и уж, конечно, оправдался бы, приведя роту неоспоримых аргументов от дефиниции термина "плагиат" до четких формулировок закона об авторском и смежных правах. Но сейчас мне было не до схоластической риторики и пустых дискуссий, мне было просто тошно от человеческого предательства, которое предатели теперь выдают за какой-то там "форс-мажор".

– Вообще-то, я кажется облажался. Похоже, ивент – не моя стихия. Вадим попросил меня привезти на Ваш праздник "Камеди Стайл", но их до сих пор нет, хотя их выход на сцену через десять минут... – чистосердечно признался я, и от этого признания мне не стало легче ни на йоту, наоборот, я всеми фибрами своей ранимой души почувствовал обреченность.

– Наверняка опаздывают. На Рублево-Успенском пробка... – заключила именинница.

– Да нет, – вздохнул я, – Меня просто кинули.

– Не страшно, – легкомысленно отреагировала красавица, – Тут столько ведущих и аниматоров. Они справятся. Я сейчас позвоню Вадику и скажу, что это я отменила "Камеди". Кстати, Вы первый кто мне о них сообщил. Вадик наверняка хотел сделать мне сюрприз. Я ему скажу, что встретила Гарика Бульдога на парковке и в грубой форме попросила убраться его с моего праздника вместе со всей своей ватагой.

Я не верил своим ушам, но в моменты, когда у человека нет выбора, отчаяние не может совладать с нами полностью, если рядом появляется хотя бы иллюзия решения проблемы. Заявление Оли именно в силу своей поразительной легкости заставило меня включить все свое обаяние.

– Я верну предоплату. Помогите мне это повернуть, Оля, и я ваш должник навеки.

– Долг придется отдать немедленно, – требовательно произнесла она, загадочно цыкнув.

Я не уловил в выражении ее лица никакого намека, поэтому ляпнул:

– О'к.

Она позвонила Вадику и сообщила ему буквально следующее:

– Ты почему не сказал мне, что пригласил этих пошляков из "Камеди"!? Ты что, окончательно решил испортить мне

праздник!? Так вот, я встретила на парковке Гарика Бульдога. Это и есть тот самый Гарик, о котором я тебе рассказывала. Я прожила с этим чудовищем два года, и с Волей я спала до знакомства с тобой и до его знакомства с Марикой. Я не допущу, чтобы они глумили меня со сцены на моем собственном Дне рождения. С меня хватит! Я отправила их... В "Атриум" отправила. Пусть там лохов веселят своими скабрёзными шуточками ниже пояса. Я думала, ты меня любишь... Ладно, не обижайся. Я приведу себя в порядок и подойду...

Этот выдуманный красоткой конфуз полностью выгораживал меня в глазах заказчика. Ясно, что Гарик Харламов, милейшей души человек, не был никаким чудовищем, хоть и являлся VIP-клиентом заведения на Спиридоновке. Я тоже там бывал – там очень вкусные блинчики и мягкие диваны фирмы "Альберт Штейн". На них удобно кушать блинчики. Гарик, конечно же, не жил с ней два года под одной крышей. Или жил?! Черт возьми! В ее устах информация насчет Гарика и Воли выглядела настолько правдоподобно, что в на ходу сочиненную легенду поверил даже я. А значит сомневаться насчет доверия к архангельской лгунье ее "папика" не приходилось. Моя репутация спасена. Грешным делом я вдруг подумал, не предложить ли Олечке располосовать предоплату, полученную за "Камеди". Тьфу ты, однозначно надо все отдать моей спасительнице.

– Дело сделано, – заговорщески шепнула она мне на ухо,

лизнув его по-кошачьи, что ввергло меня в тревожное ожидание чего-то очень опасного. – Он сказал, что вечеринку проведут «Уездные». Они начнут без меня. Пошли.

Я не спросил ее, куда мы идем и молча вошел в господский дом, в каминный зал с внушительных размеров gobеленом работы неизвестного художника конца 18 века. Библейский сюжет произведения показался мне нехорошим предзнаменованием. Обнаженные люди пытались спастись от всепоглощающей волны всемирного потопа. Творение, пережившее неудавшуюся попытку демонтажа большевиками, так и называлось "Всемирный потоп". Оно отражало одну из самых зловещих страниц человеческой истории и словно специально осталось здесь с незапамятных времен, чтобы каким-то образом предупредить меня, и чтобы я в очередной раз не внял предостережениям судьбы. Готические своды, кованые бронзовые светильники и канделябры, и, особенно длинный инкрустированный стол, казавшийся в полумраке огромной доской для резки овощей, усугубили мое чувство страха, но не довели меня до паники. Ибо стоило девушке меня поцеловать, как я включил тумблер, отвечающий за животный инстинкт.

Инстинкт самосохранения толкнул меня к вопросу:

– Вадик может тебя хватиться.

– Значит, сделаем все быстро. – свою решимость Оля подкрепила моим раздеванием. – Я тебя выгородила, ты мне обязан. Долг платежом красен.

– Слушай, мне как-то не по себе, – я произвел последний перед "сдачей крепости" холостой выстрел.

– Не надо слов, я самостоятельная девушка. Он просто мой спонсор. Каждый получает то, что ему надо. Все довольны, а я больше всех.

В полумраке гостиной, увешенной бархатными шторами, страсть нашла себе уютное пристанище, хотя, что для страсти место – лишь бы человек был хороший. Мои пальцы непроизвольно щупали голубоглазую красотку, а душа проваливалась в дурманящую негу пленительного искушения. Руки скользили по изящным изгибам ее ухоженного тела, инстинктивно следуя по уже проторенной другими мужчинами трассе от тонких щиколоток ее породистых ножек, минуя трамплины из острых коленок, прямо к мягким холмам и манящим дюнам ее идеальной фигуры. Ее кожа источала легкий аромат жасмина и испаряла чистоту, ее продолговатые ноготки, увенчанные белыми штришками французского маникюра, нежно царапали мою спину, из ее рта веяло молочным привкусом здоровой юности. Слабые поползновения разума сделать остановку мигом растаяли под воздействием желания обладать красивейшей из женщин. В ней не было изъяна. Наверное, похожее чувство испытывал царь Соломон, когда прикасался к царице Савской. В эти мгновения реальность смешивается с грезами, превращая воздух в эфир, вдыхая который умники становятся глупцами...

Все произошло. Она оделась так же быстро, с такой

деловитой уверенностью, с какой приволокла сюда меня. От нее веяло спокойствием и силой, и казалось, ничто не сможет разрушить этой надменной позиции признанного совершенства. А я... Я стал слабее, ибо теперь знал наверняка, что есть на свете соблазн, который сильнее меня. Она выскочила из гостиной, выдав напоследок:

– Я в шатер. Появишься там минут через десять, не раньше. Не забудь застегнуться на все пуговицы...

Одиночество понемногу привело меня в чувство. Я скрупулезно выполнил приказ соблазнительницы застегнуться на все пуговицы, поправился и ровно через десять минут вышел наружу с тыльной стороны господского дома. Меня удивила несвойственная праздничной атмосфере гробовая тишина. Я шел по вымощенной речным булыжником аллейке, приближаясь к шатру и не подозревая, что до кардинального изменения моей непутевой, в чем-то даже бесшабашной жизни остаются считанные десятки метров.

* * *

Когда я дошел до сборища гостей, мне стало ясно – я попал вовсе не из-за того, что не перестраховался насчет "Камеди". Теперь мое положение было намного серьезнее, в том смысле, что только теперь его можно было без преувеличения назвать безнадежным. Все, что произошло со мной и именинницей десятью минутами раньше в каминном зале

с потолочным гобеленом, стало достоянием гласности – сюжет без купюр транслировался на огромном проекционном экране, вмонтированном в сцену, и гости с суровыми лицами возмущенно комментировали реплики пассии Вадика и мои неловкие движения. Причем оправдываться было бесполезно – настолько очевидным выглядело предательство. В голове зашевелились панические мысли бывшего легкоатлета, побуждающие к немедленному бегству, но они отступили под воздействием элементарной гордости и опасений за девушку, так необдуманно окунувшую меня в скоропалительный рай... или неосознанно утопившую в бурлящих водах греха? Волна надвигалась на меня, словно на персонаж "Всемирного потопа", не взирая на запоздалые стоны и бесполезные мольбы. В одну секунду я ощутил себя героем старого гобелена. На мгновение мне стало легче, так как превращение из человека в картину как способ спасения в момент беспорядочной работы мозга не выглядело невероятным. Просто других путей отхода уже не было – вооруженные охранники господина Гараева все до единого смотрели на меня.

Казалось, с минуты на минуту все взорвется. Да, все поглядывали на меня, как на мишень. Я же в эти растянувшиеся до пределов бесконечности секунды искал взглядом Олю, в глубине души надеясь, что ее способность находить решение даже в явно проигрышной ситуации проявится чудеснейшим образом и сейчас.

Сначала я увидел Вадима. Он отрешенно взирал на

экран, и совсем не смотрел на меня. Рядом с ним на коленях сидела Оля. Вся левая сторона ее лица распухла как взмокший беляш. Из ее губы струилась кровь. Рядом валялся костыль-канадка, видимо, этим инвалидным приспособлением Оля и получила удар. После окончания теле-версии настольного секса под гобеленом она начала слезно выть и ползать у ног олигарха, вымаливая прощение и выкрикивая взаимоисключающие фразы типа "Ты меня именно такую полюбил!" и "Я больше не буду!". Моя надежда на непобедимость блондинки в миг исчезла, она была обычной женщиной: капризной, слабой и глупой. Да, это была не Жанна Д'Арк, что означало только одно – сейчас виноватым будут делать меня. Почему? Я оглянулся – крайних больше не было.

Сразу после "кинопремьеры" Вадик подкатил ко мне, нарядному как денди, но испуганному как воробей, и плюнул мне в лицо. Не дожидаясь, когда я вытрешь своим салатным, старательно подобранным в тон галстуку платком, он ткнул указательным пальцем в сторону девушки искомандовал своим телохранителям:

– Тащите эту суку в каминный зал. Снимем там вторую серию с участием массовки!

Олю, так и не вставшую с колен, поволокли в направлении замка. Ее тащили за волосы, словно неодушевленную чушку, а она безропотно повиновалась и уже не издавала ни звука, потеряв последнюю надежду на великодушные своего благодетеля и смирившись с незавидной участью безропот-

ной твари.

– Давайте, давайте, все, кто свободен от предрассудков! Все, женатые, холостые, вперед, в замок! Возьмите эту блядь на столе. Там ей комфортнее, чем на водяном матрасе моей спальни. Вместо хора Пятницкого она получит хор Вадима Гараева, рогоносца, который вместо благодарности поимел еще одно разочарование в этой гребаной жизни. И найдите мне цирюльника – пусть обскубает эту нимфоманку под лишайного бобрика. Так поступали с немецкими шлюхами после освобождения от оккупации. Пусть сделает из нее Шанет О'Коннор! А вместо микрофона всуньте в ее бездонную глотку то, что ей нравится больше всего, чтоб она подавилась!!!

– Вадим, она же тебе не супруга! – не поверите, но это была моя реплика. Мои уста исторгли ее машинально, без всякой надежды на внимание к моей скромной персоне. Мне все еще было страшно за себя, но при виде, что кому-то в данный момент еще хуже, я как-то собрался с духом и выбрал возможно не самый подходящий момент для дискуссии.

Непримиримая процессия не остановилась, но Вадик снова обратил на меня внимание.

– Чо ты вякнул? – поинтересовался он.

– С чего ты взял, что она обязана быть тебе верной, – осмелел я, – Она тебе вовсе не жена...

– Стойте! – крикнул Гараев удаляющейся стае своих шестерок, – Тут один урод чем-то не доволен. Надо разобрать-

ся.

В этот момент ко мне неожиданно подскочил кто-то из фанатов Вадика и двинул локтем в солнечное сплетение. Я потерял сознание и рухнул на землю, правда, очнувшись спустя пару секунд. Драться против больших дядей Гараева – бывших спецназовцев и чеченских боевиков – было бесполезно, любой из них, не смотря на всю мою резвость и прыть несостоявшегося легкоатлета, мог утрамбовать меня в асфальт без помощи катка. Меня спасало только то, что в близлежащих окрестностях не велись дорожно-строительные работы, однако, я прекрасно осознавал – по желанию Гараева асфальт могут проложить и поверх булыжника на Красной площади. Возможно, у страха глаза велики, но в этот момент я был уверен, что Бог меня не услышит, а с правой рукой мэра Москвы по строительству господином Ресиным Гараев наверняка договорится гораздо быстрее меня. Это я к мысли об асфальте на главной площади страны.

– Итак, я не расслышал, что ты там пробормотал? – не очень-то интеллигентно пожелал уточнить Вадим.

– Я просто имею свое видение на происшедшее, свой взгляд, отличный от твоего, – начал я издалека и получил дополнительный удар в живот. Наносивший удары гоблин с рыжими волосами и лбом шириной в микрон словно берег мой фронтменский фейс, предупрежденный кем-то очень влиятельным, но уж точно не Гараевым, что именно этот фейс есть первопричина моего внушительного гонорара, Альфа и

Омега моего благосостояния, именно им я торгую и соблазняю богатеньких заказчиц, которые под воздействием моего стиля и шарма заставляют папиков раскошелиться на высокооплачиваемого шоумена, сопровождающий его оркестр и рекомендуемых им артистов. Кто бы не внушил гараевскому инквизитору быть аккуратным в отношении моего лица, иначе как ангелом-хранителем я бы его не окрестил, ведь это избиение не оставило на моей физиономии и следа побоев.

– Очень интересно, – сосредоточился на моей тираде Вадик, – У тебя есть минута для изложения твоей концепции. В зависимости от твоей аргументации я приму окончательное решение насчет того, кого стоит оттрахать как грязную потаскуху – тебя или Оленьку... Слушаю.

Я с детства прослыл вундеркиндом, а сейчас и подавно ювелирно владел словом, обладал широчайшим кругозором и имел невероятно высокий уровень IQ, однако не смог сымпровизировать на ходу, как это умеет делать только мой друг Паша Воля по прозвищу Снежок. Вспомнив его последнюю трансформацию из шоуменов в хед-лайнера R&B-движения с хитом "Все будет офигенно", я ляпнул первое, что взбрело мне в голову:

– Я ее люблю!

Эта фраза могла стать той каплей, что переполняет чашу терпения. Но видимо, мое неожиданное признание явилось подобно манне небесной к месту и вовремя. Вадик почесал лысый затылок. Выслушав мое искрометное оправда-

ние, он мог подумать, что Оля и я были знакомы раньше, что мы не такие уж сорвиголовы, чтобы пуститься во все тяжкие с первого свидания, которое, собственно, таковым и являлось.

– Он говорит, что любит тебя! – заржал Гараев как конь, так заразительно, что атмосфера, словно по мановению волшебной палочки разрядилась. Нехотя заулыбался даже избивающий меня рыжий гоблин, расстояние между бровями и чубчиком у которого могла измерить лишь подзорная труба из обсерватории академика Амбарцумяна.

– Да... – коротко подтвердил я, вызвав еще одну волну безудержного смеха всей честной компании. Проститутки, зная всю подноготную своей в одночасье опростоволосившейся коллеги, хохотали пуще всех. Я был в шоке, но мне показалось, что даже на поврежденной мордашке моей псевдовозлюбленной тоже обозначилось некое подобие ухмылки. Но скорее всего это мне только привиделось – уж кому-кому, а Оле сейчас было не до смеха...

– Итак, ты влюбился. И, наверное, готов жениться... И тебя не пугает, что твоя избранница – самая алчная из всех сучек, которых я когда-либо знал... – в момент посерьезнел Вадим, заткнув заодно рты остальным, – Будем считать, что вместо Дня рождения мы априори запланировали вашу свадьбу. Я за ваш праздник расчехлился на миллион долларов – снял замок, накрыл столы, пригласил артистов...

Я понял, куда он клонит. Такие разводы обошли ме-

ня стороной в девяностые, а сейчас на них я бы подавно не поддался. Эх, жалко рядом не было моего названного брата, бывшего морпеха и чемпиона Москвы по боям без правил Владимира Ильича по прозвищу Валико, уж он бы раскидал по углам хотя бы половину этой ватаги. Да, ждать помощи было неоткуда, рассчитывать приходилось только на себя. В арсенале моих оборонительных средств был лишь текст: грамотный, продуманный текст, от которого зависело сейчас очень многое, если не все, ведь я общался один на один с мастером по "зацепкам", сколотившим лет пятнадцать тому назад благодаря этому своему таланту целое состояние. Поэтому я ответил:

– Ты и гостей на мою свадьбу пригласил сам? Только с нами список не согласован. Я никого из тех, кого вижу на своем празднике, не знаю. А за такую организацию мероприятия не благодарить надо, а взыскивать неустойку – гости дебоширят, жениха с невестой пинают по чем зря, и артисты на сцене не совсем те, что мне по вкусу. Я бы предпочел Майкла Джексона. Однако, учитывая, что мой любимый певец безвременно покинул этот мир, то сгодятся наши "Бандерос".

– Смотри-ка, уже предъявляет. Как все переиграл! Можно поверить... – на показ восхитился Вадик и продолжил, – Чего захотел! Ладно, Майкла Джексона нам не вернуть, а вот за "бандеросов" и мы сойдем. Это ты меня вынудил старое вспомнить. Я уже давно уважаемый чел, бизнесмен с отмытой добела репутацией, политик, с которым считают-

ся не только в нашей депутатской фракции, но и в исполнительных структурах. Это ты меня снова в грязь окунаешь, память мою будоражишь, методы старые и привычки забытые заставляешь из чулана доставать, потому что с уродами надо по справедливости общаться, а не по закону. Как тебя или эту курицу по закону наказывать? Нет на ваше прелюбодеяние кары. А вот по справедливости вы самого сурового наказания достойны...

– Нет ничего справедливее любви, – прервал я Вадика, – Она знала, на что идет, когда изменяла тебе со мной. А я мирился с тем, что делю ее с другим только потому, что прав на нее не имел. Думал, женюсь, и адьос, Вадик. Она только моей будет. Но только после свадьбы...

– И ты хочешь уверить меня в том, что знал ее до сегодняшнего дня? Что она стала бы так рисковать? Ты об этой твари говоришь? Об этой!? Я не ослышался? С ней ты умудрился толковать про любовь?! С той, что не ляжет в постель с мужчиной пока не скалькулирует стоимость часов на его запястье и не просчитает, что выгоднее – сразу объявить прайс или дать бесплатно, чтобы выжать папика по полной? Да она уже больше года у меня под колпаком. Ее прослушивают круглосуточно. Сменная наружка день и ночь. Она только подумает, а мне уже докладывают. Поверь мне – в ее пустой башке нет ничего, кроме лавандоса и шмоток. Она продажна с головы до шпилек своих босоножек "Прада", и за одну пару обуви она обгадит любое чувство, и покакает на самую свя-

тую любовь. Ты кому фуфлю впариваешь? Она тебя всего-то разок видела, когда со мной в казино приходила. Хочешь, у нее спросим сейчас, спала она с тобой хоть раз до сегодняшнего дня или нет. Да что там спала, разговаривала ли она с тобой? Иди сюда, курица общипанная, скажи правду, чтоб я этого врунишку прищучил по заслугам.

Олю отпустили, и она подошла к эпицентру развернувшейся интермедии. В ее глазах застыл ужас, она напряглась в ожидании вопроса, ответ на который мог вызвать любую реакцию господина Гараева, учитывая непредсказуемость криминального авторитета, превратившегося после череды победоносных гангстерских междоусобиц в легального олигарха.

– Ты виделась с этим окурком от "Беломора" когда-нибудь, кроме двух встреч, о которых я знаю?..

Ее ответ очень многое значил для меня. И для нее. И для Вадика. Он прошерстил ее с ног до головы своим рентгеновским взглядом, и оставшись довольным своим визуальным исследованием, свысока глянул на меня. Господин Гараев был на все "сто" убежден, что услышит от своей облажавшейся протеже то, что ожидает, ведь она продажная девка до мозга костей. Не станет же она подыгрывать "потерпевшему", а я в тот момент выглядел таковым. Даже иллюзия прощения олигарха была куда весомее выгораживания потенциального трупа. Так наверняка думал Вадик, облизнув свои высохшие губы шершавым языком. В этот момент он

показался мне коброй, раскрывшей свой капюшон в преддверии броска на беззащитную жертву. Но Оля неожиданно для всех, а возможно и для самой себя сказала:

– Да.

– Что да, дура? – переспросил Гараев, – Ты понимаешь, что сейчас подписываешь себе приговор? Я еще раз спрашиваю – ты спала с этим кексом без изюма до сегодняшней твоей тупости?

– Да, – заплакала Оля, и эти слезы влюбили меня в нее окончательно и бесповоротно, ибо мне, чтобы влюбиться в девушку обязательно надо ее пожалеть.

Может я и ошибся с избранной впопыхах стратегией защиты, но девушка в ущерб себе поддержала меня. Тут я вспомнил слова знаменитого француза, автора одного из лучших жизнеописаний Жанны Д'Арк Шарля Пеги: " Любить – значит признавать правоту любимого человека, когда он не прав". До этого дня, будучи противником слепого чувства, я бы не согласился с подобной трактовкой любви. Но теперь... Если человек готов сжечь за собой мосты, разделить с тобой твою ошибку и твое фиаско, не он ли твоя вторая половина? А ведь все твердят, что не бывает любви с первого взгляда! Тогда зачем она меня выгораживала? Тотто. Неужели счастье можно обрести в самый ужасный день своей жизни? Или я как обычно спешил с выводами...

* * *

Что-то не состыковалось в мозгах Вадима. Не срослось что-то. Я заметил это первым. Его даже передернуло. Во всяком случае, задрожали синеющие мешки под его глазами и зашевелились реденеющие брови. Мне вдруг показалось, что физическая измена любовницы была для него сущим пустяком до ёмкого "Да", выроненного девушкой в слезах. Только с ним уверенный в своей всевидящей проницательности Вадик получил истинный удар.

Он подъехал к Оле, как подъезжал не раз ко мне, на своей хромированной, с сиденьем из кожи бизона, радиоуправляемой телеге для перевозки VIP-инвалидов, и дотронулся до ее щеки ладонью. Не прикоснулся с нежностью пусть даже беснующегося от ревности любовника, а именно дотронулся, как лаборант-химик, наблюдающий необъяснимую реакцию в заурядной пробирке. Оля не уклонялась. Он в свою очередь не имел намерения ударить ее повторно. Господин Гараев просто щупал окропившую ее щеки влагу и, сделав вывод, что то были искренние слезы, не смог скрыть удивления на своем одутловатом лице. На испещренном морщинами лбу явно читалась фраза "Эти слезы настоящие". Видно, последствия взрыва в конце девяностых распространились и на голову Вадика. Какие же еще? Конечно настоящие.

Вадик быстро пришел в себя. Его неутомимый энтузиазм проявился в резких репликах и четких командах. План изощренной мести предательнице, созревший в его голове

несколькими минутами раньше, претерпел некоторые изменения, но они по всей видимости не были столь существенными, чтобы Вадик кардинально изменил тактику своих действий.

– Дура! Заигралась, дура! А я не шучу! – кричал в небо Гараев. – Сценарий – прерогатива режиссера! Из проститутки в героические партизанки – это не мое кино! Я реалист, а не фантаст! У меня реалити-шоу, а не мыльная опера!

О чем это он? Его излияния выглядели сумбуром, в котором я не хотел искать логики. А вот детали приготовления к церемонии бракосочетания велись со знанием дела. Сперва он приказал доставить в замок сотрудника ЗАГСа и поехать для венчания. Потом вызвал по телефону еще пару клерков, включая нотариуса. Из торта именинницы он повелел выковырять свечи, с тем, чтобы кондитерское изделие приобрело свадебный характер. Музыкантам поступил заказ на вальс Мендельсона. Я на удачу попросил доставить в замок в качестве свидетеля моего названного брата бывшего морпеха Валико, но в моей нижайшей просьбе мне в грубой форме было отказано. Зато мне позволили стоять рядом со своей невестой и гладить ее волосы, что пришлось мне по вкусу. В тот момент я уже сообразил, что меня никто не собирается убивать. При стольких свидетелях ва-банк не пошел бы даже Вадик Гараев. А вот насчет отказа устроителей вечеринки от исполнения затеи с массовым изнасилованием моей внезапной невесты я пока сомневался. Мне бы не хоте-

лось, чтобы право первой брачной ночи досталось кому бы то ни было, кроме меня – законного супруга порвавшей с самой древнейшей профессией, а сегодня переставшей быть и содержанкой, многострадальной королеве самопровозглашенной Оляндии.

Не прошло и часа, как подготовка к свадьбе переросла в ее проведение. Мы стояли перед сотрудницей ЗАГСа, разделенные Вадиком, он держал нас за руки, как отец родной, утвердительно ответив за молодоженов на вопросы "Согласны ли Вы взять замуж..." и "Согласны ли Вы стать женой..." Мы поочередно скрепили священные семейные узы своими добровольными подписями и обменялись алюминиевыми кольцами, которые наверняка ничего не стоили Вадиду. Батюшка отслужил молебен, осветив брак благословением небес и водрузив на наши головы по всей видимости тоже алюминиевые короны. Нам несправедливо не дали поцеловаться. Карлики в шведских треуголках повели нас к террасе, вид с которой несколькими часами раньше уже успел меня восхитить. По всему периметру озера торчали горящие факела. Каменный мост стал плацдармом для начала масштабного фейерверка, сопровождавшегося лазерным шоу и симфонической сюитой "Шут" почитаемого мной Сергея Прокофьева.

Под занавес вынесли торт. Тут нервы Вадика не выдержали, и он со злостью тролля окунул невесту лицом прямо в изысканное кондитерское изделие. Я дернулся, но был оста-

новлен все тем же рыжим гоблином с едва различимой полоской кожи вместо лба. Пришлось вместо русской свадебной традиции кормить друг дружку тортом, воспользоваться знанием мексиканского обычая и слизать крем с лица новобрачной, что было некой альтернативой несостоявшемуся поцелую. Опасаясь, что мое проявление чувственного эротизма безапелляционно прервут, я вкусил "сладостный нектар" с лица любимой чисто символически. Снова пригодился мой салатный платок. Ничего, Вадика можно было понять. Я не осуждал его, ведь ему было больно. И я готов был стерпеть унижение, ведь оно открывало в моей жизни и судьбе моей новоиспеченной супруги новую страницу.

Эти грустные размышления разбавил незапланированный пожар – загорелись ящики с неиспользованной пиротехникой, небрежно складированные под каменным мостом. Казалось, загорелась сама конструкция, что в контексте сожжения всех мостов и начала новой жизни выглядело симптоматично. Но на самом-то деле мост не горел, да и мне завтра вечером надо было на работу в мой процветающий на ниве отсутствия конкуренции катран, где мой антрепренер назначил премьеру зрелищного шоу "Жажда". Правда, мне хотелось пить уже сейчас, и нам как нельзя более кстати поднесли поднос с двумя фужерами шампанского...

Я осушил содержимое бокала залпом. Нас посадили на одну не самую мускулистую пони все те же карлики, и бедное животное поволокло нас к белому лимузину.

– Я могу уехать на своей машине, – сообщил я провожаемым карликам.

Мою реплику услышал не отстающий от надрывающегося пони на своей каталке Вадик.

– У тебя больше нет машины, – поведал он мне.

После шампанского в моей голове правила какая-то муть, и я почти ничего не соображал, кроме того, что мне явно подсыпали какой-то хрени. Однако, потеря "мерседеса" меня не на шутку расстроила.

– И где же она? – заплетающимся языком я осилил последний перед провалом в бессознательное вопрос.

– Ты добровольно и в здравом уме подарил его мне в присутствии нотариуса, заверившего твою дееспособность. Вот твоя подпись на документе. – Вадик тыкал мне в лицо какой-то бумажкой, но эта неприятная новость уже не могла меня разбудить...

Вокруг меня кружили коломбины и шуты, сменялись маски радости и грусти. Белоснежка играла в прятки с гномами, а может быть, то семенила ножками капризная Мальвина, убегая от печального Пьеро и заманивая меня призывным жестом. Она вела меня лесной тропой Сусанина к большой воде. Я подумал, что там начинается море, но воды было еще больше. Дело пахло бескрайним океаном, и теперь негде было пришвартовать мой одинокий фрегат с белым парусом. Он все шел, ведомый ветром, пересекая Гольфстрим, и держа курс на остров Свободы. Земли все не было, и птицы

зловеще верещали, что никакого острова в обозримых пределах мы не найдем, что держать пеленг на мираж не имеет смысла, не стоит себя обманывать – за горизонтом все та же океанская гладь, и мы последние, кто не знает, что мир погрузился в пучину всемирного потопа...

* * *

Меня не отравили. Это плюс. Но голова раскалывалась, словно грецкий орех в голландских пассатижах. Значит, в шампанское подсыпали какой-нибудь транквилизатор с седативным действием. При этом я отчетливо все помнил, все, кроме того, как оказался дома. Индивидуальное пробуждение меня несколько расстроило. После свадьбы я рассчитывал как минимум на "Доброе утро", произнесенное бархатным контральто феи, и на кофе в постель. В том смысле, что я бы с удовольствием приготовил кофе и тосты для любимой – иначе зачем на кухне пылился чеканный поднос со скифским орнаментом, в холодильнике лежал свежий сыр, а в татами моей кровати из ангарской сосны была вкручена не только подсветка, но и вращающийся овальный столик на стальном штативе. На него я обычно ставил поднос с кофе и тостами, когда утро выдавалось не таким одиноким, как это.

Я четко помнил, что вчера женился в замке Майендорфа на красивейшей из женщин. Что меня там унижали, как могли. По приказу оскорбленного изменой олигарха Вадика

меня наградили алюминиевым кольцом и лишили "мерседеса". И что, возможно, я заслужил подобное унижение, ведь я сглупил. В силу своей слабости и топовой внешности моей избранницы. Неспособность преодолевать некоторые искушения превращает авто-владельцев в пешеходов. Вот и я остался без новенького "мерса". Я не был буржуем, деньги давались мне с большим трудом, но я не жалел ни о чем. За ошибки надо платить. Чаще всего ошибки сопряжены с удовольствием. Но ведь в случае с Олей удовольствие можно растянуть. А долгосрочное удовольствие... Нельзя ли его рассматривать как счастье?

Пожалуй, одного транша в качестве платы за нанесенное оскорбление олигарху, учитывая вчерашние экзекуцию и экспроприацию, будет достаточно. Хотелось думать именно так. Однако, опыт подсказывал мне, что возможны и другие варианты, ведь чувство собственности распространяется не только на недвижимость, транспорт и землю... Меня, к примеру, очень беспокоило отсутствие моей Оленьки. Моей? Не погорячился ли я? Того комфорта, к которому она привыкла, мне ей не обеспечить, а все остальное она может получить и без меня.

И все-таки, надежда теплилась в моей груди. Все мы говорим, что любви нет, утверждаем эту аксиому с абсолютной гарантией. А сами вновь и вновь пускаемся в путь, вылавливая взглядом в случайной прохожей ту единственную, о которой мечтаем во сне. Разочаровываясь в очередной раз,

мы клятвенно заверяем друзей угомониться с поисками идеала, но, сбрасывая маску бесстрастия в своей холодной постели, плачем в подушку от невыносимого одиночества, а на утро готовы снова оседлать своего буйного Росинанта, даже не наладив сбруи, чтобы тронуться в неблагодарный путь за чудом.

Скорее всего, в поисках чуда мы потерпим очередное фиаско, снова наткнувшись лишь на признанные шедевры древнего зодчества. Чудеса света, как то висящие сады Семирамиды, не падающая Пизанская башня, розовеющий в сумерках Тадж Махал, величественные пирамиды – некрополи фараонов, уже не удивят нас, искушенных. Многие повидавших, но не видевших, или не усмотревших, а может быть пропустивших главное в мире чудо – женщину, которая принадлежит только тебе. Не потому, что ты ее купил, а потому, что она не продается...

Я намеревался найти свою жену сразу после шоу "Жажда по-египетски", назначенного на час ночи. Хуже всего было то, что номера телефона новоиспеченной супруги у меня не было. Стараясь не думать об этом, мне пришлось успокоиться мыслью, что она меня тоже ищет. Тут вдруг возникло большое сомнение – как можно искать того, кто не потерялся? Сомнение породило новую тревогу. Но думать о премьере и поисках жены одновременно в отличие от Наполеона я не мог. В этом смысле мне больше импонировал Нестор Махно. Батько одинаково скрупулезно подходил к сапожно-

му делу и к войне на все фронта – с белыми, красными, немцами и самостийцами. Если он штопал сапог, война могла подождать.

Мой антрепренер, так же, как я, возлагал на этот розыгрыш большие надежды. Он уверял, что это шоу – настоящий эксклюзив, за который обязательно зацепится Лас-Вегас. Мой план был куда скромнее – я экспериментировал с шоу с одной только целью – хотел удержаться на плаву. Здесь, в самом большом катране. Куда перекочевали ВИП-игроки всех закрытых казино, была моя новая база – плацдарм для нужных знакомств и место неслучайных встреч с потенциальными ивент-клиентами. Некоторые мои коллеги по шоу-бизнесу подобострастно льстили моему креативу. Иные дальновидно утверждали, что катран может легко превратиться из плацдарма моих надежд в колумбарий моих иллюзий. Один мой приятель даже посоветовал перейти в престижный ресторанный холдинг арт-директором. Денег гораздо меньше, но спокойнее на порядок. Я даже ознакомился с новым местом работы. В тот вечер там бесились скинхеды, выдающие себя за спартаковских болельщиков. После того, как один из них отодвинул от микрофона вокалиста и прокричал «Зик Хайль!», мне пришлось вмешаться. Я вышел на сцену и произнес то, что не мог не сказать: «Россия едина в своем многообразии! Слава великой империи! Нет фашизму!» Скинсы слишком долго соображали, каким образом меня наказать. Так долго, что я успел вызвать

Валико. Ну, да ладно, речь о том, что я предпочел риск спокойствию и остался в казино. Мне хотелось видеть в нем не риски, а трамплин в телевидение. Таков мой характер

Я шел на работу. Честнее сказать, невзирая на отсутствие личного автотранспорта, я все же ехал, на такси. Я самонадеянно рассчитывал произвести фурор на игроков арендованными костюмами, шикарным реквизитом, красочным сценическим задником, но, главное, идеей. Мне было известно, как доказать, что вода дороже денег! Я мог посмеяться над всемогущими купюрами и фишками-кэш не где-нибудь, а в самой что ни на есть цитадели алчности. Мне было приятно осознавать, что мои авторские шоу зиждятся не только на привычном для игрового мира чувстве наживы, но и на эстетике зрелища, на интеллектуальной подоплеке игры. Я уже привык не ждать благодарности, ведь в нашей работе благодарностью является отсутствие упреков.

Ровно в час ночи под фонограмму из мультика "Принц Египта" я объявил из-за кулис:

– Впервые мы представляем самый прозрачный шоу-розыгрыш в Москве, ибо нет ничего прозрачнее чистой воды! Шесть счастливиц выиграют крупные суммы денег, но мы увидим, как человек может добровольно расстаться с большими деньгами ради одного глотка обычной воды. Он пойдет на это, дабы утолить свою жажду. Здесь жажда имеет иное происхождение, она во многом продиктована азартом. Но наше шоу призвано напомнить людям, что есть на свете

вещи, которые дороже денег, и в жизни каждого из нас рано или поздно наступает момент, когда мы это отчетливо осознаем!

Занавес открылся, перед зрителями предстали облаченные в расшитые золотом костюмы жрецов бога Ра и стражников гробницы Тутанхамона аниматоры из Камеруна и Бенина, на троне восседала наследница династии Птолемея царица Клеопатра, и миловидные африканки ублажали ее сандаловыми опaxалами из пушистых страусовых перьев.

Посреди стоял «акведук» – мое ноу-хау. На самом деле конструктивно акведук ничем не отличался от "японского журавлика" – полого бамбукового ствола, в который можно было вливать воду ровно до тех пор, пока он не опрокинется.

Вынырнув из глубины сцены под франко-алжирский рэп, я поприветствовал зрителей на одному мне понятном языке и зачитал им их "права":

Бонжорно, арагацо, мучо грациа!
Мотературно микрофильм, редакция!
Международную я представляю фракцию -
Мы продвигаем Акварелаксацию!
Мы проповедуем лишь истинные ценности,
Находятся они за гранью брeнности.
Поймешь в пустыне раз и навсегда -
Дороже денег чистая вода!
Землю и небо разделяет горизонт,

И не от всякого дождя спасает зонт...
Бывает ливень все строенья смочет,
Воды лавина всем глаза откроет.
В пустыне не деньгами утолит жажда,
Лишь о глотке воды мечтает страждущий.
Первостепенное значение воды поймешь,
Когда на шоу "Жажда" попадешь!

Все шло, как по маслу. Игроки, уставшие от скучной и непредсказуемой рулетки, смотрели на акведук словно замороженные. Я залил в него из кувшинов разного объема произвольное, не поддающееся волевому контролю, количество воды. А потом объявил торги. За каждый стакан воды, предназначенный для пополнения бамбукового резервуара, объем которого недоверчивые зрители безрезультатно силились просчитать на глаз, развернулась немислимая драчка на аукционе. Ажиотаж был столь велик, что многие игроки из VIP-залов прервали большую игру и устремились к сцене. Для них призовой фонд являлся мизерным, но интерес подстегивался неординарностью розыгрыша и желанием вычислить критическую для конструкции массу воды. Для обычных посетителей казино розыгрыш представлял собой вполне объяснимый коммерческий интерес – ведь бамбуковый ствол мог опрокинуться на любом стакане, а того, кому повезло бы это угадать и выкупить стакан с последней каплей светило, ни много ни мало, десять тысяч долларов

плюс все средства, вырученные с аукциона.

Надвигалась кульминация шоу. Бамбуковый ствол задрожал под напором, наклонился, будто собирается упасть, но вода так и не хлынула наружу, а ствол вернулся на исходную. Участники не сомневались, что остается влить всего лишь один стакан. Этот стакан был продан за семьсот пятьдесят долларов, что спровоцировало меня на реплику:

– Где это видано, чтобы вода из-под крана продавалась за бешеные деньги! Только в нашем клубе вода дороже денег!!!

Но и на этом стакане с акведуком ничего не произошло. Напротив, он теперь даже не дергался, стоял как вкопанный, отрицая все законы физики. На самом интересном месте, когда люди сгрудились у сцены, произошло незапланированное вмешательство...

Я узнал этого получеловека. Раньше он никогда не бывал здесь, не смотря на то, что работал на господина Гараява. Вчера именно он избивал меня на вечеринке в замке Майендорфа. Этого рыжего исполина с тыквой вместо головы я не спутал бы ни с кем, даже в случае, если бы он выбрил себе лоб. Во-первых, лоб быстро бы зарос, а во-вторых, он наверняка не парился насчет своего лба, так что ему не к чему было его брить. То, что козни вокруг меня продолжаются, стало понятно спустя мгновение...

– Да тут, бля, все подстроено!!! Пидарас! – заорал детина, но не встретил одобрения публики. Всем было наплевать на реплику дегенерата-матершинника, ведь все ждали толь-

ко одного – когда опрокинется акведук. Хотя, не скрою, моя реакция на прямое оскорбление тоже интересовала клиентов игорного заведения. Интересовала, но совсем чуточку. Никто из них не осудил бы меня, если б я, как подобает артисту, молча проглотил обиду, проигнорировал обзывательство, к тому же умолчание – один из наиболее эффективных методов информационной борьбы. Но мне, как специалисту в этой области, был известен еще один способ словесного противоборства – дискредитация личности источника информационной угрозы. Я мог сделать это красиво. Наемный дебил ничего бы не понял, но окружающие бы посмеялись. Я прибегнул к этому способу спора:

– Человек нервничает – налейте ему воды бесплатно. Пусть освежит свой рот, возможно, он ему пригодится для иных целей.

Публика заулыбалась.

Не встретив поддержки в зале, злоумышленник побежал к конструкции и, черт возьми, перевернул ее самостоятельно. Шоу было сорвано. Модели и аниматоры разбежались. Затихла и фонограмма.

Стерпеть такое фиаско было выше моих сил. Жизненный опыт уже успел привить мне долготерпение и редкое самообладание, но видимо, не совсем в достаточных пропорциях. Моя ранимая и впечатлительная натура время от времени преобразовывалась, давая волю гневу.

Подскочив к нарушителю спокойствия, чего он, соб-

ственно, вовсе не ожидал, я заехал ему локтем справа, вложив в удар всю свою мощь. Внезапность атаки сделала свое дело. Безлобый потерял равновесие и едва не рухнул на пол. Знал бы гоблин, что в свое время я закончил военное училище, где прилежно изучал приемы самообороны без оружия, не был бы так беспечен. Теперь терять было нечего – надо было добивать уroda. Иначе он добил бы меня. Думаю, у него это получилось бы лучше, так как все же он был на порядок крупнее меня, хотя явно уступал в расторопности. Однако, завершить начатое мне не дали, служба безопасности подоспела к потасовке, не дав драке перерасти в поножовщину.

...Немного успокоившись в тиши звукорежиссерской, я в последний раз посмотрел на заставленную техническим скарбом комнатушку. В последний, потому что знал – меня обязательно уволят. Шоумена-дебошира, не умеющего управлять своими эмоциями, а значит, не способного манипулировать сознанием зрителей, никто не станет держать. Старые заслуги в шоу-бизнесе, как впрочем в любом мало-мальски прибыльном деле, никого не волнуют.

Я представлял, как злорадствовал сейчас Вадик, организовавший мой провал. Похоже, он не собирался от меня отставать. Он считал меня слепым котенком, не имеющим возможности на адекватный ответ. Он строил мне козни, пытаясь разрушить мою жизнь, уверенный, что останется безнаказанным.

А разве это не так? Что я могу? Мне до него не добрать-

ся, мне даже не пробраться сквозь его многоэшелонированную охрану, чтобы проломить ему череп его же костылем. Он лишил меня машины, работы, кто знает, что я там еще подписал... Я в полном дерьме. И не единой мысли, как все исправить... Кризис ведь на дворе. Безработица. Надо было соглашаться на ресторанный холдинг. А что, хорошие рестораны. «Паризьен», «Сухаревка», «Фреско»... Может, еще не поздно. Там на летних верандах можно снимать неплохой куш. И запустить мое кукольное шоу. Мою Ламандию – образцовое королевство. Сказку для взрослых. Царство мечты. Владельцы Олег и Влад меня уважают... Хотя... Дармоедом я никогда не был, а масштабы не те. В «пивняке» не разгуляешься – народ не тот. А рестораны пожирнее – сезонная история. В аккурат после новогодних праздников со мной захотят расстаться. Так всегда случается с высокооплачиваемыми промоутерами ресторанов, а клубы живут недолго. Да и немолод я уже для клубов. Но, признаться, хожу. И как только вхожу, мозги остаются на улице...

Оля, где ты? Может вместе мы бы что-нибудь придумали или смирились со своей участью проигравшей стороны. Готова ли она воспринимать меня слабым, временно безработным и совсем не богатым. Ведь мы с Вадиком из разных весовых категорий, и я не Шаолинь, который умеет сражаться против всех, и тем более не Джин, который может сдуть неприятеля. Я всего лишь бывший успешный фронтмен, чью карьеру так безапелляционно и необратимо втоп-

тали в грязь. Сейчас мне бы понадобилось много воды, чтобы отмыться. На своей несостоявшейся премьере я заявил, что вода дороже денег. Денег у меня негусто, на них можно купить гораздо меньше воды, чем может приобрести грязи мой олигархический соперник. Неужто все на этом свете решают деньги?!

* * *

Резонно предположив, что утро вечера мудренее, я отправился спать. Засыпал плохо. В итоге проснулся в четыре часа дня и долго валялся в постели. Рука машинально потянулась за телевизионным пультом. Пощелкав программами, я наткнулся на... Каспера, прилизанного гелем, и Адика, наверняка тоже прилизанного гелем, однако с бейсболкой на голове. На бейсболке Адика сияла надпись «Продюсер». Наверное, он водрузил головной убор с объясняющей формулировкой, не щадя укладки, с той целью, чтобы его не приняли за обычного городского сумасшедшего из Еревана по кличке Гиж.

Они давали интервью популярной телеведущей Тине Кандаки.

– А почему Вы обратились к жанру черной комедии. Или Вы уверены, что люди деградировали настолько, что иной юмор, к примеру, тонкий английский, или интегрировавшийся армянский, воспринимать уже не могут? – задала свой каверзный вопрос первая красотка телеэфира.

– Делая кино, я руководствуюсь творчеством братьев Цукер, Монти Пайтона и Мела Брукса – людей, создавших жанр черной комедии... – умничал Каспер. Надо признать, его обаяние и козыряние благозвучными, но не известными простому обывателю именами, подкупало зрителей, – Как и в случае с жанром "Стенд ап" в России мы пионеры, я вас уверяю – мы можем делать такое кино лучше всех. Большею части народа то, что мы делаем – нравится, а значит, мы обречены на успех.

– Хочу поддержать моего коллегу, – вставил Адик и задымил сигарой, – Когда мы воплотили в жизнь идею "Камеди", мы и предположить не могли, что стоит нам отдалиться от этно-юмора, дистанцироваться от узких рамок национально-менталитета, и рискованный для российской публики брэнд станет самым модным и самым прибыльным шоу-проектом с невероятным рейтингом. С годовым оборотом в десять миллионов долларов. Так что в сфере юмора мы не только профессионалы, но и бизнесмены.

– Мне бы не хотелось, чтобы мое имя упоминали только с привязкой к "Камеди", хотя именно я привез эту идею из Калифорнии, а мои друзья реализовали проект в Москве. – улыбнувшись еще шире, поправил Каспер, – Но и дистанцироваться от жанра, подарившего миру выдающихся комиков Мартина Лоуренса, Адама Сендлера, Эдди Мерфи, Вупи Голдберг, наконец Джима Керри, я не хочу. В нем и в КВНе мои истоки. Я был одним из самых молодых чемпионов Выс-

шей Лиги КВН, завоевав титул в 19 лет. Сейчас мне 30 и я с тревогой думаю, что уже чуточку опоздал с началом дела, которым мечтал заниматься всю жизнь. Кино – это высокорискованный венчурный бизнес, но я готов рисковать, поэтому выхожу из проекта "Камеди" и направляю весь свой организаторский ресурс на продвижение черной комедии. В некоторых странах такие фильмы запрещают, но подобные запреты оборачиваются дополнительным промоушеном, в результате – копий продается еще больше. Меня вдохновляет успех "Бората" с Сашей Бароном Коэном в главной роли. Мы ворвались на российский кинорынок первыми. Нас уже не остановить. А тем, кто попытается нас остановить, сначала придется нас догнать!

– Сами будете сниматься в своих фильмах? Насколько мне известно, по образованию Вы актер... – поинтересовалась Тина.

– Я всегда предпочитал оставаться в тени.

– Этаким серым кардинал черного юмора, – заключила она отшлифованным штампом.

– Если хотите...

"Вот те на, мать честная! Неужели они заставят зрителей есть говно, подобное "Борату"? Хотя, могут. Зритель нынче перевелся... – почесал я затылок, – Хорошо хоть КВН вспомнили, уроды... Так бы и сидели со своей идеей "Камеди", если б я не позвонил вам в один прекрасный день и не предоставил площадку в "Касбаре" на Остоженке. И на-

счет пионеров черного юмора – тоже туфта собачья. Достаточно вспомнить ночные баталии в сочинской "Жемчужине", где шутили ниже пояса "95 квартал" и "Уездный город". Надо отдать должное Алексадру Васильевичу. Масляков никогда не опустил бы до того, чтобы зарабатывать на мате. По этой причине Барин* никогда не посещал "Песочницу"*, где проходили "черные игры". Но Масляков и не запрещал, будучи самым демократичным из всех президентов. И что вместо благодарности? Украинский клон "Камеди", бездарный и плагиатский, берет на себя право отпускать шпильки в адрес заслуженных кавээнщиков. Они думают, что скандал сделает их смешнее. Нет, братва, тут талант нужен... Касперу и Адику повезло не потому, что они придумали "Стендап". Они его не придумали, а стибрили в Штатах. Им просто повезло, что в Москву из Пензы приехал Воля, из Еревана – Марти, из Белоруссии Галыгин, а из Сочи – Ревва... И что всех их подготовил КВН – абсолютно российское ноу-хау, коему нет аналогов во всем мире, КВН с почтенным жюри во главе со словоохотливым Юлием Гусманом, который ставил высший бал не за шутки ниже пояса, а за юмор, заставляющий веселиться сердце и дарящий улыбку разуму.

* Барин – прозвище популярного телеведущего Александра Васильевича Маслякова, распространенное в кулуарах Клуба Веселых и Находчивых. (авт.)

* "Песочница" – так называет кавээновская тусовка бар в гостинице "Жемчужина" (г. Сочи), где в период ежегодных Фестивалей КВН "Кивин" проходят закрытые игры по черному юмору. В них участвуют команды Высшей Лиги, так называемые "старики, с которых сыпется песок". Только на этих состязаниях допускаются шутки "ниже пояса", которые никогда не попали бы в телеэфир Первого канала. Сам Масляков не препятствует проведению подобных игр, делегируя туда в качестве смотрящего своего сына Александра Маслякова-младшего и редакторов КВН. Барин не позволяет присутствовать на "черных играх" начинающим кавээнщикам. Данное обстоятельство во многом подстегивает интерес новичков к мероприятию, окружая его ореолом тайны и слухами об особой степени посвящения старых членов телевизионного Клуба. Запретный плод сладок. Вкусив его прилюдно, резиденты "Камеди" обрекли себя одновременно на признание за талант и порицание за откровенную пошлость и негативное влияние на подрастающее поколение. (авт.)

Мысли о жанровых войнах российского юмора не оставляли меня даже теперь, когда мне было особенно плохо. Настроение ухудшилось еще и оттого, что я был в полном дерьме, а мои кидалы – в шоколаде.

Умывшись и подправив бородку триммером, я наскоро оделся и отправился на поиски любимой. К полуночи, когда я обзвонил всех знакомых стриптизерш и моделей, которые

могли знать Олю, я понял, что сей ребус в одиночку не осилить.

Параллельно я названивал своему другу Касперу. Мне не терпелось узнать, что сподвигло его на столь затяжное молчание – дела или прятки вследствие чувства вины. В случае с Каспером были возможны и другие прятки, мотивированные иными причинами, к примеру, висящим над ним дамокловым мечом долгом либо навязчивыми просителями лучших мест у сцены "Камеди" в "Атриуме" или «Голдене». Он умел пропадать на долгие месяцы и появляться в нужный ему момент. Он хорошо знал, что не смотря на недвусмысленное прозвище не числился среди привидений. Следовательно, исчезнуть из города он мог лишь сев на самолет – в Москве мало-мальски публичный человек всегда на виду, особенно если он в один прекрасный момент возомнит себя всемогущим.

Раствориться в московской тусовке почти невозможно – все друг друга знают, бывают на одних акциях, вручениях, премьерах и показах, посещают одни и те же заведения. Из кинотеатров – мультикомплексы. Из ресторанов – новиковские. Из публичных домов – "Секрет Сервис", «Бардо», завуалированный "Дежавю" и внеконкурентное заведение на Спиридоновке для особых эстетов. Из клубов – "Оперу", "Рай", «Крышу мира» и восставший из пепла "Дягилева" и романтики 90-х полузакрытый «Сохо» на Саввинской набережной. По легендарному фейс-контролеру Паше, вос-

петому и «распиаренному» коронованными им же принцессами гламура, после пожара в «Дяге» уже никто не скучал. Теперь он прозябал во второсортной «Паче». Обитатели ночи не знают сострадания. Для них огонь – лишь атрибут вечного карнавала. В его пламени сияют лики идолов, пожирающих друг друга с расторопностью ящериц и мимикой джокеров.

Форматировать лохов и метросексуалов было кому. Свято место королей клубных турникетов пусто не бывает. Желających селекционировать клубных вояжеров было хоть отбавляй. Весьма скромная заработная плата не пугала молодых и амбициозных маргиналов, предпочитающих дневному образованию ночную популярность.

Я всегда с интересом взирал на энтузиастов, вершащих свое дело наперекор обидным репликам в свой адрес, угрозам и даже физическому насилию. Однако, героическая стоика фейс-контролера модного клуба зиждется все же на фундаменте материальной заинтересованности – он знает в лицо потенциальных покупателей столиков, а значит ему светит 10 процентов, если столик зарезервируют через него. В довесок, приказ быть стойким фейсконтролерам отдают клубные промоутеры и фронтмены – передовики ночи. Они берут удар обиженных на себя. Вроде как смелые, хоть иногда являются апологетами гей-культуры. Знаменитый «пиарщик греха», «гастарбайтер» из Сербии Синеша Лазаревич и его компаньон Миша Козлов за счет неприступности песика на

входе могли втюхать свои клубные карты тем, кто научился выкладывать ими белые дорожки, сказав при этом: «Мы – семья!». За любую из подобных реплик я пустился бы в бой, по крайней мере, ответ за мной не заржавел бы. Наверное, поэтому, никто даже в бытность неприхотливой юности не предлагал мне стать фейс-контролером, доверяя лишь руководство над этими бедолагами в капюшонах.

Решение прошвырнуться по клубам возникло спонтанно. Во-первых, был выходной, во-вторых, Оля не могла не быть тусовщицей и не оказаться в выходной в одном из перечисленных выше клубов. Во всяком случае, со стопроцентной вероятностью под утро она появилась бы на «Крыше», в клубе на набережной Шевченко. Клуб был хорошо известен не только клаберам, но и оперативным работникам Госнаркоконтроля. Я априори не любил «аптеки», поэтому побывал там всего однажды. Заинтересовавшаяся мной девица посмотрела на меня словно на инопланетянина, когда я заказал коньяк «Мартель» вместо того, чтобы втянуть ноздрей дорожку «колумбии» на стеклянном столике в чиллауте. С тех пор я не был в списках. Ибо не числился не только в категории «обгашенных», но и в числе олигархов, звезд и перманентных прожигателей жизни.

И разве может без оглядки расходовать свои дни и ночи мечтающий о любви? Среди обладательниц подаренных «верту-сигнэйче» и оседланных за трудоночи порше искать любовь было напрасной тратой времени, но на то в России

уже давно придумана поговорка про грабли, на которые подобные мне наступают даже не дважды, а в аккурат на каждый зубец...

Итак, попасть на «Крышу» я мог либо заранее подсуежившись, либо будучи в свите кого-нибудь из узнаваемых в ночи персонажей отечественного или зарубежного мажорно-тусовочного сообщества. С моими связями в богемном мире я мог организовать это в три секунды. Один звонок на сотовый – и я на «Крыше». Вспомнив, что на «Крышу» народ подтянется только к пяти утра, я рванул в «Сохо», начитывая рэп собственного сочинения:

Автомат-коробка. На набережной – пробка.

Пятница. Ночь. Знакомая тема.

Могучая кучка, у ВИПа – толкучка.

В «Сохо» стекается богема.

Не только артисты, не только художники,

Рядом контрабандисты и таможенники –

Сливки слоеного московского торта

В сопровождении девушек из эскорта

Из Омска, Казани, Твери и Смоленска

С мечтою: жить на Рублево-Успенском.

Главное правильно бросить кость.

Сразу воздвигнуть волшебный мост.

Клюшкой для гольфа его подпирает

Тот, кто Луну от тебя скрывает.

Сыры, пэры, городские мэры
Поделили страну, но оставили нам Луну...
Хотя и тут они мне наврали,
Похоже, тебя у меня забрали.
От стола к столу шныряет сука,
Тревожная компания угощает самбукой.
Она как всегда голодна,
Самбуку свою осушает до дна.
Все равно я тебя уведу! Только медленный танец нужен!
Я тебя к Луне поведу, как только ее обнаружу...
Я танцую под Луной, я танцую сам с собой.
Представляю на свою беду, что тебя к Луне веду.
Я над пропастью стою, я танцую на краю!
О Луне я песнь пою... На самом деле – на Луну я вою!

Ни на веранде, ни в каминном зале, ни внизу на танцполе Оли не было. Я принял решение не задерживаться и отправился дальше. В «Рай»... Туда, как и в «Сохо» я заходил с VIP-входа. Фейсконтрольщик Влад окольцевал меня «красным вездеходом», и я поднялся в клуб, рассчитывая увидеть здесь не только Олю, но и Каспера. Просто, в «Раю», вернее в концертном зале клуба по пятницам проводили «Камеди».

Оказалось, что «Камеди» в райском Илюзиуме проходил нерегулярно. Зато здесь я наткнулся на местного промутера, бывшего военнослужащего Андреаса, обнял его побратски и поздравил с тем, что он не голубой.

Значит, не гей все же может быть хорошим организатором, что само по себе отрадно. Все-таки военное училище – хорошая школа для воротилы индустрии развлечений. Это я знал по себе. «Райский» бизнес процветал. Цены в баре кусались, а столики все еще «толкали» за приличные деньги. Всюду шныряли мелкие сутенеры. Ну, а народ... А как все начиналось!

Андреаса его бывшие наставники, а теперь конкуренты, до сих пор считали выскочкой. Плевать, он был нетрезв и чекался с красотками, которым в свою очередь тоже было все равно, что новомодный клубный фронтмен начинал разносчиком флаеров у известных погорельцев.

Заведения подобного рода живут не долго. Три года – это большая удача. Затем их надо переносить. Иначе можно прогореть. Даже в буквальном смысле. И не всегда спустя время. Иногда сразу. Пожары в клубах – беда не только для МЧС.

— «Вся столица ждала открытия моего клуба. – сказал однажды, когда сгорело его первое серьезное заведение, Андреас, – Место, где должен был быть клуб, просто необыкновенное: центр столицы, на острове, рядом река, воздух хоть на хлеб намазывай – рядом шоколадная фабрика! Но кому-то все это мешало спокойно спать. Теперь, там где должны были сверкать огни, играть музыка и отдыхать самые красивые люди столицы – пепелище. Зрелище не для слабонервных – дымящиеся обломки остатков здания и надежд. Одна спичка и кто-то спит теперь спокойно.

Даже в каменном веке тебя вызывали на бой, громко крикнув твое имя и смотря тебе в глаза. Я не считаю, что война началась, она начнется, когда клуб откроется. А он обязательно откроется!, и тогда бойтесь все, "страдающие бессонницей и играющие с огнем", ибо ваше имя будет выкрикнуто в первую очередь!»

Он сказал это, а спустя год открылся «Рай». Он был в доле. Через полтора года после его гневной речи сторел «Дягилев». Газеты раструбили версию о поджоге – спасатели якобы обнаружили пустые канистры под сценой... Кто поджог? А может это пресловутый ПиАр-ход? А может это месть за жесткий фэйс-контроль? А может это сделали конкуренты? А может, это и взаправду просто безалаберность, обычная в России халатность и привычная коррупция. Пожарники не могут потушить аппетиты? Андреасу было все равно. Почему? Потому что он этого не делал. Но он и не расстроился...

Но программы в «Дяге» все же были покруче.... Я саркастически оглядел оба зала и ложи, включая ту, где за гонорар в 150 баксов плавали ущербные русалки-топлесс, и, сделав неутешительный вывод о качестве публики, понял, что искать Олю здесь бесполезно. Хотя, пара классных подруг все же была, но вилась вокруг самого Андреаса. Я ему не завидовал. Нельзя завидовать Карлсону. Пусть радуется малышей. При всем моем уважении к гетеросексуальности талантливо-

го коллеги, мне пришлось ретироваться...

В давке "Оперы" мои глаза щупали танцовщиц «гоу-гоу» и выискивали блондинок в чулках с кружевами. Сценическая программа здесь явно не дотягивала до «дягилевских» прейскурантов. Убежденный в том, что Джаконда была трансвеститом, Синеша Лазаревич устраивал у себя мазохистские мастурбации с фриками-трансформерами и ностальгическими пионерскими ремиксами марширующих школьниц. А на открытие «Фэмели» он притащил коня. Я поймал себя на мысли, что каким бы умным я себя не считал – в клубах тупею моментально.

Под воздействием хауса и эклектики полуобнаженного месива, мой мозг определил поиски Оли в дело не перво-степенное. К тому же я встретил знакомых девчонок – вице-мисс России Веру Красову и ее подругу Иру Земскову. Вошедшая в топ-файв «Мисс Вселенной» Вера показалась мне ничуть не хуже Оли, и тут я понял, что моя «майендорфская супруга» с таким же успехом может пройти и мимо меня. Мысль о том, что она могла меня забыть, ужаснула меня, и я попрощался с красотками, устремившись к выходу. Часы показывали четыре утра. И тут меня осенило – на after-пати надо ехать к Ташу...

На Голден стрит гремела дискотека в стиле 80-х. Ретро нынче в моде. Правильная тема с рисовой кашей и сырниками в меню, с чаем в совковых кружках, лимонадом собственного приготовления, незамысловатыми кроссвордами, жвач-

ками из непрехотливого прошлого "Love is..." и ностальжи-видео-клипами Бобби Брауна притягивала уставших от пафоса клаберов. Но главное, что манило сотворивших себе кумиров помимо каши, так это присутствие паблик-персон из затухающего "Камеди" и взлетевшей в рейтингах "Нашей Раши" ...

Администраторша спросила меня, не собираюсь ли я принять участие в турнире по сборке легендарного кубика Рубика. Я не без ухмылки ответил, что нахожусь здесь исключительно ради этого состязания. Девушка уже принялась меня регистрировать, но на выручку подоспел владелец клуба, а по совместительству совладелец "Камеди" Таш, который проводил меня в чиллаут.

Отведав сладкой каши и закусив ее сырником, мне не оставалось ничего другого, как запить все это лимонадом с мятой, но сырник встал поперек горла – я увидел вошедшего на веранду Каспера. А он увидел меня. Надо же – легок на помине. Наверное, меньше всего рассчитывал на встречу, которая может испортить ему настроение – ведь он как никто ценил свое время. Для меня Каспер, как впрочем и его старший партнер Адик, изначально являлся прочитанной книгой. Я был уверен, что в этой жизни он не смог бы ничем меня удивить. Однако я заблуждался.

То, что поведал мне Каспер после неловкого рукопожатия, сопряженного с опущенным взглядом, не просто удивило меня, буду откровенен, его слова подействовали на меня

как красная тряпка на быка.

Его неловкость улетучилась мгновенно, когда он убедился, что я вполне сдержан, абсолютно адекватен и готов слушать. Скручивать собеседника в бараний рог не было никакого желания, ведь как пить дать, у него были способные учителя, более достойные обструкции. Причем здесь заблудший дьяволенок, сперва положено разбираться с «наставником-чертилой». Для запутавшихся – лишь наставление. У меня и мысли не было распускать в отношении худощавого Каспера с печальным взором добровольно подвешенного вниз головой опоссума свои натренированные в Вооруженных силах руки. Мой красноречивый собеседник интуитивно почувствовал мой миролюбивый настрой. Для человека, по щелчку ставшего безработным пешеходом, такое поведение являлось достижением, особенно если учесть, что покорители Москвы из глубинки, те, что вроде меня, звезд с неба не хватают. Просто не желают отдавать свое, горбом добытое.

Текст Каспера был как всегда великолепен. Дар талантливого оратора с каждым новым аргументом, с каждым подкрепляющим очередной довод жестом, чем далее, тем более проявлялся. Усмотрев в моем прищуренном взгляде лишь любопытство, и не уловив иной мотивации столь показательного интереса, спич Каспера приобретал характер самоуверенной наглости. С его стороны это было непростительной ошибкой. Однажды, я уже испытал подобное разочарование в друге,

когда в пору его нищеты мы и две пустоголовые красотки из "Доллса" отправились в караоке-клуб "Крик" на Страстном. Каспер тогда стал приподнимать свой нестабильный образ, употребив все свое несравненное красноречие для снижения моего рейтинга. Я сделал вид, что не заметил. Нашел перед кем выпендриваться. И вот сейчас... Все словно закрутилось по спирали. Нет, после того, что он сделал, а вернее, чего он не сделал, он имел наглость не оправдываться, а поучать. Он даже позволил себе параллельно болтать по телефону, по странному совпадению у него был "верту" той же модели, что у меня... Но все по порядку.

Спустя пару абзацев приведу его речь почти без купюр. Это был монолог в чистом виде, скорее даже брифинг члена Союза кинематографистов. Мои редкие реплики и риторические вопросы никак не могли прервать сию благочестивую тираду, от которой веяло самыми добрыми намерениями и откровенной ложью одновременно. Надо признать, что на сей раз его хваленое красноречие давало заметные сбои. Он все же нервничал, особенно в начале. Смешивать несовместимое у Каспера выходило не очень профессионально. Было к чему стремиться. В его окружении имелись друзья и даже один уже знакомый читателю олигарх, которые могли оправдать зло куда артистичнее.

Это точно, Каспер не был законченным подлецом. Но и порядочным человеком я бы его не назвал. Но, ведь и я не без греха. А где они, порядочные люди. Остались ли они в

столице, куда устремляются честолюбивые мечтатели со всех уголков громадной страны, и где светлые мечты большинства из них разбиваются о мегабилдинги чужой недвижимости? Где рядом с неоновым входом в катран ползает на карачках искалеченный контрактник в голубом берете. Он спрашивает подачку не у государства, а у вышедшего из подпольного игорного заведения вчерашнего сепаратиста, которого текущий политический момент возвел в ранг героя. Где мериллом успеха являются деньги, и всем плевать на их происхождение. Тебя не осудят, если ты стал подлецом. Как по-другому сделать карьеру? Тебя не поймут, если ты упустил шанс и не подсел недавнего приятеля, не переполз по его спине к следующей ступеньке. И все же... Все тот же Шарль Пеги утверждал, что на свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они делают подлости. Лучше бы они их не делали. Иначе их не пришлось бы наказывать...

– Брат, я тебе собирался позвонить, все объяснить... – доверительно сообщил Каспер, – Я раскаиваюсь. Ты меня поймешь, извинишь... Форс-мажор, понимаешь? Я связан по рукам и ногам. Мне угрожали. Если бы только мне. Ты же слышал про мой новый проект, про фильм? Мы у цели – это будет самый лучший фильм. Вся творческая группа могла оказаться в заднице. Большую часть эпизодов отсняли и озвучили, картина монтируется, а денег на рекламу, на пост-продакшен – с гулькин хвост. Прокатчики насаждают. Гараев

обещал помочь – он дает четыре с половиной миллиона евро. Сам понимаешь – твоя предоплата за "Камеди" несопоставима с моими потребностями в инвестициях. Я разбогатею на порядок быстрее, чем Адик от "Камеди", соберу тридцатку на первых двух уикендах и тогда можно будет философствовать на гамаке в Марбелье, тогда можно будет думать о непреходящем, размышлять о вечном...

— Кажется, я где-то уже это слышал. Ах да, от твоего хрюноподобного гуру Адика, – припомнил я, – Он ведь тоже мечтает заработать так много, чтоб его основной проблемой в будущем стали лишь ужасающие перспективы всемирного потепления и угроза истребления уссурийских тигров. Не лучше ли ему позаботиться о курящих свиньях? Как полагаешь?

— Я не в курсе, какая кошка между вами пробежала, но это было условие Гараева. Он сказал, чтоб «камедианты» не приезжали на его вечеринку. А деньги, что ты мне передал – для него это пшик. Сам понимаешь. Я краем уха слышал, что там произошло. Видно, ты здорово его разозлил. Нельзя связываться с сильными мира сего – это чревато.

– А я по твоим раскладам – слабый мира сего. Подставлять меня и как минимум еще одного человека – это по-твоему допустимо?

– Ты про Олю? Да она с самого начала во всем этом участвовала. Все, что произошло с тобой в Барвихе – четко отрежиссированное представление, реалити-шоу, как в "Шоу

Трумана" с Джимом Керри. В твоём случае гигантской студией стал замок, а твоя фиктивная жена Оля – всего лишь актриса по контракту. У Трумана была такая же. Это жанр. Оля просто шлюха, которая к тому же сыграла эпизодическую роль в моём фильме. Это ещё одна причина того, что я обратился именно к Вадику.

– Так это ты все таки к нему обратился, а не он к тебе... – еле сдерживая эмоции вымолвил я высохшими от перенапряжения губами и отхлебнул глоток лимонада.

– Ну, да, меня Адик с ним свел. Он кстати на тебя тоже зуб точит. Помнишь, на съёмках "Камеди" в «Голдене» ты на него наехал, когда тебя не захотели за центральный столик посадить?..

– Это он присоветовал Гараеву, как меня проучить? – тушил я гнев ради информации. У меня была злость, но не было плана. И его отсутствие ещё больше меня злило.

– Я не буду это обсуждать, вы оба мои друзья. И ты, и он. С ним мы в одном дворе росли. – по-детски наивно захлопал своими бездонными глазами Каспер. Хорошо, что при этом не улыбнулся. Его улыбка могла в тот момент поставить крест на разговоре, подтолкнув меня к непреднамеренному насилию. Благо, я этого не сделал. Драка – удел глупых, а мы уже не подростки. В итоге я изрек:

– Друг моего врага – мой враг. И твой спонсор тоже мне враг. Значит, ты в команде моих врагов. Ты просто в тени. Серый кардинал. Ты ведь любишь, когда тебя так величают?

– Да ладно, брось злиться. – снисходительно выронил он, и тут же среагировал на вибровозвонк своего "верту". – Алло, да, да, Каспер слушает... Завтра? Отлично! Во второй половине дня? Замечательно. Только мне все нужно кэшем. Да, вся сумма – Вадим в курсе. Нет, мы обойдемся собственной охраной. Насчет этого не беспокойтесь, и не такие суммы перевозили. О'к, до завтра...

Он снова взглянул на меня, но теперь это был взгляд высокомерного триумфатора Цезаря, взирающего на беспомощного, хоть и непокоренного галла – безымянного, угрюмого и молчаливого. Я действительно онемел, но не от перспективы превратиться в безропотного вассала, а потому что увидел вошедшую в клуб Олю. Яркая, как светофор, она возглавляла ватагу жриц любви из списка Пети Листермана*, таких же броско одетых подруг, клонировавших друг друга посредством силикона, коллагена и ботокса. Оля раздавала всем подряд воздушные поцелуи, смеялась и пританцовывала под трек распавшегося в 91-ом английского дуэта "Брос". У барной стойки она чмокнула Таша и заказала себе виски.

В недрах моего подсознания случился неожиданный фейерверк, разбросавший логику и здравомыслие по самым периферийным секторам некогда гроссмейстерского мозга, способного просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед, опережая возможные козни явных и завуалированных недоброжелателей. Это было раньше, до того, как десант стрессов высадился на мою голову. Теперь моей инстинктив-

ной реакцией стал тупик. Стопор. Фрустрация.

Куда девать руки? Встать или оставаться в положении сидя? Поздороваться или проигнорировать? Остаться или уйти? Пальцы нащупали в кармане телефон и набрали первый пришедший в голову номер. Валико. Я звонил названному брату, зная, что он уже спит и вероятно не поднимет трубку. Так и есть. Длинные гудки вперемешку со знакомым рингтоном, отобранном бывшим морпехом из тысячи предложенных веб-пиратами мелодий. Я упрямо держал трубку у своего уха, вслушиваясь в марш "Легендарный Севастополь", прерванный голосом бодрствующего сейчас только в автоответчике друга: "В данный момент я очень занят или тупо сплю после битвы за урожай с насекомыми, которых я когда-нибудь передавлю всех до единого, если они будут мне названивать по ночам. После короткого сигнала, вредитель, бросай трубку, иначе я вычислю тебя по голосу, а утром прихлопну как колорадского жука..."

Я бросил трубку на стол и отвернулся. За верандой сверкали неонам и дешевой позолотой фасады клубов, суетились парковщики и швейцары, ловили клиентов таксисты – словом, кипела ночная жизнь, манящая своим ярким, но искусственным светом. В ней так легко принять фальшивую монету за раритетный золотой дублон...

Каспер, увидев Олю, рванул со стула и побежал здороваться. Они обнялись как старые приятели, облобызавшись в щечки, пару минут болтали ни о чем, пока она не заметила

мою скромную персону. Мое нестабильное состояние можно было охарактеризовать как близкое к последней стадии депрессии, за периметром которой простираются либо монашеский аскетизм, либо суицидальный эгоизм.

– Какие люди в Голливуде! – она именно так и сказала. Эту фразу произнес человек до предела чужой, а ведь у меня хватило глупости принять его за свою вторую половинку.

Точно, она ничуть не смутилась. Но штампы и общие фразы сами по себе не способны были меня расстроить, если б они не были подкреплены отсутствующим выражением лица моей неотразимой собеседницы, на котором, кстати, не было и следа от опухоли. "Гриммер сработал на совесть, – подумал я, – И актриса талантливая"...

– Мы уже не здороваемся? – выдала она свой скороспелый комментарий огрубевшим до противности голосом, но не договорила – к красотке подлетел какой-то накачанный стероидами и анаболиками брюнэт с видом альфонсирующего мачо, и они закружились в неподдельном восторге, вспоминая недавний отдых в большой компании на Гоа.

Я встал, намереваясь ретироваться, но тут вдруг решил сотворить какую-нибудь пакость. Решение возникло спонтанно, а пакость предназначалась не пустышке по имени Оля, а новоиспеченному кинопродюсеру Касперу. Я взял со стола его "верту" и опустил его в свой лимонад. Каспер заорал как ошпаренный, обзывая меня нехорошими словами за то, что я уничтожил все его контакты. А я при этом спо-

койно положил свою трубку во внутренний карман пиджака и удалился прочь. Оля была так занята, что не обратила на сей инцидент внимания, хотя и проводила меня безразличным взглядом, который прожег мою спину, но не заставил оглянуться.

*Петр Листерман – самый известный российский сутенер, выдающий свою деятельность за модельный бизнес, поставщик "телок на тусы". Популяризатор элитной проституции и соержанства как разновидности потребительской идеологии. Под благовидным предлогом ни к чему не обязывающей встречи или знакомства с целью создания семьи подыскивает состоятельным бизнесменам и коррумпированным госчиновникам девушек с топовой внешностью, прельщая моделей роскошью и баснословными гонорарами. Выдает эскорт-услуги и заурядное сводничество за сватовство, часто дает интервью в глянцевах журналах и телепрограммах низкого пошиба, имеет собственную программу на радио. Обладает незаурядным обаянием, легко втирается в доверие (автор испытал способности Петра вызвать симпатию на собственной шкуре, когда на одном из кастингов моделей для работы на выставке яхт Петр предложил мне, малознакомому ему человеку, сделать с ним бизнес). Противоправный характер деятельности Листермана практически недоказуем в силу особой пикантности и полной конфиденциальности встреч олигархов и топ-моделей, которые проходят на абсо-

лютно добровольной основе. Правоохранительный иммунитет Листермана зиждется на особом покровительстве отдельных представителей власти, достаточном для мелких взяточников финансовом ресурсе и отсутствии свидетелей. Возможно, индульгенцию Листерману обеспечивает осведомительство, иными словами "стукачество", обладание им компроматом на известных политиков и предпринимателей.

Мелкий даже по словам бывшей супруги аферист Листерман сегодня приобрел репутацию раскрученного бренда, став прототипом главного героя в фильме Андрея Кончаловского "Глянец". Вымышленная история о продаже собственной жены олигарху была положена в основу фильма как реальная.

В свое оправдание Листерман заявляет, что в отличие от других модельных агентств не учит девушек прыгать в постель к олигархам сразу, а обучает их искусству более длительного высасывания инвестиций. Само по себе это означает всего лишь желание продать тело красивой девушки дороже, не продешевить. Только доказательство того, что Листерман имеет свой процент от каждого проданного тела делает его сутенером в терминологии правосудия. А пока он может спокойно почесывать лысину в «Сохо» и поправлять дорогую оправу своих знаменитых очков, наставляя юных искательниц приключений, и не опасаясь привлечения к уголовной ответственности за сводничество.

Очередное утро, когда я снова проснулся в гордом одиночестве, не сулило мне ничего, кроме головной боли. В планах было отправиться на бесперспективное собеседование к одному старому знакомому, сирийскому арабу-ресторатору, у которого в начале своей промоутерской карьеры я трудился в качестве арт-директора. Бесперспективной эта затея выглядела в моих глазах не потому, что он не взял бы меня на работу. Как раз наоборот, он меня звал. Но платил бы он за мою работу такие гроши в сравнении с тем, сколько стоит реально эффективный креатив. Если вы думаете, господа, что вы нам платите, то считайте, что мы у вас работаем...

Однако же, мне нужно было место, где удалось бы спокойно пересидеть и собраться с мыслями, попивая арабский чай с корицей вприкуску с тростниковым сахаром. Я склонялся к «Сухаревке» на проспекте Мира, хоть и знал, что «терпеть» меня там будут только до окончания «новогодних елок». А потом мы с владельцами, как водится, останемся друзьями. Главным аргументом в пользу «пивняка» было то, что в тамошнем меню появились вкусные голубцы, а в «Паризьене», что входил в холдинг, я облизывал пальчики, вкушая пикантный салат от французского повара Кристиана Маурино. При этом я не пух с голоду. У меня уже были сбережения. К тому же, "халтуры" – заказные вечеринки – приносили льви-

ную долю моих доходов даже в период работы в казино. А главное, мне было, где жить... А может, само Провидение уберегло меня от дальнейшей работы в подпольном казино, функционирующем в легальном режиме с помощью всевозможных лазеек в законах. Никак не мог привыкнуть называть игровые аппараты лотерейными машинами, а рулетку – колесом удачи... И почему-то все время думал, что в один прекрасный момент, например во время смены «караула», дяди спустятся с другой «крыши» с ордером от третьей. Ничто не вечно под черепичной кровлей...

Неожиданный звонок никак не повлиял на мой оптимистичный настрой. Я открыл дверь незваной гостье балзаковского возраста с широкими скулами и миндалевидными бойницами для раскосых глаз. Ее монголоидная внешность смутно напомнила мне одного вероломного татарина, чей образ я запомнил еще со школьной программы по истории. То, что она оказалась лично для меня гораздо хуже нарисованного в книжке воина хана Батыя, я понял только после того, как она всучила мне копию подписанного мной и заверенного нотариусом договора купли-продажи на двухкомнатную квартиру, мою квартиру.

– Я адвокат Московской коллегии. – представилась дама. Она протянула мне свою визитку вкупе с пакетом каких-то бумаг. На одном из бланков с водяными знаками я разглядел собственную, не шибко каллиграфическую закорючку... – Новый собственник этой квартиры больше не в со-

стоянии терпеть сознательное затягивание с вашей стороны процесса вывоза личных вещей и мебели, он настаивает на немедленном освобождении жилплощади. Просим вас принять во внимание это воистину законное желание моего клиента. Указанный в договоре крайний срок вашего выселения истек ровно десять дней назад. А сегодня истекает крайняя дата постановления исполнительного листа. Новый хозяин в последний раз предлагает вам признать его имущественные права в добровольном порядке, без привлечения участкового милиционера и судебных приставов. В противном случае по истечению сегодняшних суток мы произведем опись вашего скарба в присутствии понятых, загрузим вещи на наш транспорт и выгрузим на охраняемой территории конфиската Московской таможни. Это мы сделаем из сострадания к вам с учетом давнего партнерства с таможенным терминалом. Напоминаю, там почасовая оплата. Неявка владельца в течение месяца гарантирует выставление ваших пожитков на открытый аукцион.

Я хотел выпроводить ее без разговоров, но не сдержался, заявив, что хранить на своей карманной таможне Гараев может контрафактные DVD-диски из Китая и порно собственного производства, которое усладит вкусы самых искушенных вуайеристов, и что подпись, добытую мошенническим путем, я опротестую в суде, даже если эксперты-каллиграфисты докажут, что она моя.

Она пожелала мне удачи от имени адвокатов Вадима

Гараева и сообщила, что суд уже состоялся одиннадцать дней назад, и я его проиграл:

– Заверенная копия решения суда прилагается к переданному вам списку документов. Там же копия исполнительного листа для Федеральной службы судебных приставов.

– И каким же числом датировано решение вашего суда? – Я инстинктивно искал брешь в несокрушимой вражеской фаланге.

– Тринадцатым июня. – нагло врала мне в глаза мегера, – В суде все запротоколировано. Наши адвокаты и не такие дела выигрывали. Контора "Галкин и Фокс" на протяжении 15 лет обслуживает интересы господина Гараева. Ни одного проигранного дела в арбитражных судах и судах высшей инстанции. Мы специалисты по крупному рейдерству* и банкротствам. А такие пустяковые процессы, как ваш, мы заносим в категорию плевых.

– Есть сотни свидетелей, которые подтвердят, что в этот день я находился в казино и курировал проведение шоу-розыгрыша "роллс-ройса".

– Никто не собирается оспаривать ваше присутствие на шоу в незаконном казино. Не думаю, что в интересах его владельцев подтверждать или опровергать ваше алиби. К тому же, Вы были там ночью, а суд, возбудивший исполнительное производство, состоялся днем.

Я поборол в себе искушение, чтобы не послать куда подальше продажную адвокатшу, чья угроза не выглядела та-

кой уж голословной, учитывая историю с моим якобы подаренным "мерседесом", моей потерянной работой и навсегда утраченной верой в девичью честность. Не взирая на то, что мэм-юристка продолжала строчить свои лживые сентенции словно швейная машинка "Зингер", я остановил ее не грубым пинком, а тихим голосом:

– Разрешите с вами проститься, иначе вам придется снимать побои, а это уже уголовная ответственность. К ней я пока не готов, а с гражданским кодексом разберусь. Хотя, скорее всего для вас и вашего патрона Гараева это дело станет уголовным. Так ему и передайте. Мне нечего терять! Ждите моей пресс-конференции! – в завершении своего спича я все же повысил голос и захлопнул дверь прямо перед носом незваной визитерши.

"За меня принялись всерьез, – подумал я и в какой-то мере мне это даже польстило. Подобная реакция была не совсем адекватной. Но мне она неосознанно понравилась. Хотя бы тем, что была далека от паники. По всей видимости, в критические моменты нейроны моего мозга совокуплялись с адреналином, рождая шедевры импровизации, – Война будет неравная. Насчет пресс-конференции я загнул, кому я интересен... Но пусть Гараев поволнуется. Хотя телевизионщики – неплохая идея. Надо позвонить Цирусу" ...

Мой старый приятель Игорь Цирульников по прозвищу Цирус работал пресс-аташе российского отделения Интерпола и имел отношение к телевидению – продавал за гро-

ши криминальные сюжеты центральным телеканалам. В случае с Гараевым только ведущие каналы могли спасти меня от окончательного разорения, лишь они могли обеспечить необходимую огласку...

В поисках сотового я безрезультатно перевернул вверх дном всю одежду. Пришлось набирать номер Цируса с домашнего.

– Игорек, привет, нужна твоя помощь. Срочно. На меня наехал очень крутой чувак по фамилии Гараев. Вадим Гараев. Ты знаешь, кто это. Мне не к кому больше обратиться. Он у меня "мерс" забрал...

– Так, спокойно. Что значит забрал?

– Ну, якобы я добровольно подписал дарственную. И квартиру забирают сегодня.

– Что значит забирают?

– Ну, они мошенническим путем добыли мою подпись на договоре купли-продажи и зарегистрировали собственность в регистрационной палате.

– И как ты подобное допустил? Такая щедрость на тебя не похожа...

– Накачали каким-то дерьмом... Слава Богу, не полонием и не диоксином... Я не знал, что подписываю, думал, что это свидетельство о заключении брака.

– Я ничего не понимаю, какого брака? Ты что, женился?

– В том-то и дело, что не по-настоящему. Меня кинули. Помоги со съемочной группой. Я тебе гарантирую – сюжет

просто бомба.

– Если это тот Гараев, о котором я думаю, то хочу сразу высказать ряд сомнений... – мгновенно расставил акценты Цирус. – Во-первых, зачем ему нужен твой нетюнингованный "мерседес" с объемом двигателя его инвалидной коляски? Второе – твоя квартира по метражу меньше коридора его домика для обслуги, если, конечно, ему не понадобилась новая будка для любимого лабрадора, и третье – кто эту чушь пустит в эфир, зная, что ее инициировал человек из подпольного казино, а Гараев, ты наверное не смотришь последние новости, являлся одним из главных лоббистов в Думе по закрытию игорных заведений. Вчера он в очередной раз заявил от имени своей фракции, что избиратели с воодушевлением восприняли Указ Президента о закрытии казино, и что он лично собирается инвестировать миллиард долларов в строительство одной из игорных зон, утвержденных правительством. Это большая политика, а мы маленькие люди.

– Я больше не работаю в казино.

– Дай угадаю – это Гараев тебя уволил, но подпись под заявлением об увольнении по собственному желанию ты вывел собственноручно.

– Да пошел ты! – бросил я трубку, но даже в столь неконтролируемом раздражении я вдруг осознал, что Цирус прав – хвататься за телевизионную антенну прайм-тайма бесполезно. Она хоть и напоминала спасительную соломенку визуально, но являлась всего лишь иллюзией, фокусом с двой-

НЫМ ДНОМ.

Эти наркоманы телеэфира манипулируют общественным мнением, склоняя его из одной крайности в другую, выстраивая легионы врагов из недавних друзей, и превращая вчерашних изгоев в мучеников. Доверяться повторяющим чужие слова попугаям, которые строят из себя глубокомысленных сов – верх беспечности. Они втопчут тебя в грязь твоими же словами, вырванными из контекста... За деньги Гараева они в два счета превратят в монстра невинного. Что стоит им приклеить кормившемуся многие годы гемблингом функционеру казино ярлык наймита ненавистной игровой индустрии, дав повод прокуратуре привлечь бывшего фронтмена за шантаж политического деятеля, того, что набрал очки на всецело одобряемой народом и Президентом борьбе с азартными играми.

Мозг, словно защищаясь от перманентного негатива, ненадолго отвлекся от действительности, погрузившись в короткие размышления о плюсах и минусах уничтожения в 2009 году игорного бизнеса. Эта популистская война с казино – отдельная песня. Кто на заре закрытия палаток с автоматами мог подумать, что власти доберутся и до крупных залов...

Транжирующие семейные бюджеты наркоманы азарта и их близкие с подачи телевидения стали винить в своих слабостях и бедах не себя, а держателей игорных заведений. Оказывается, в том, что гипотетический Вася зарубил топором

собственную мать, чтобы спустить ее пенсию в автоматы, был виноват вовсе не великовозрастный Вася, а хозяин казино.

Поэтому и возникла необходимость запретить все игорные заведения в Москве и перенести их в Краснодарский край, в деревню. А там, в деревне, люди уже другие, их жалко не так, как городского дегенерата Васю. А когда деревня преобразится в город развлечений, то настанет пора запретить и новоявленный полис, снова лишив работы тысячи дилеров и пит-боссов, официантов и поваров, хостес и маниранеров. Чтобы бросить все силы и предполагаемые инвестиции в развитие новой игорной зоны где-нибудь на Алтае, где «конь не валялся» и в течение еще лет пяти не будет валяться.

Не только в Москве научились закатывать деньги налогоплательщиков в асфальт. У чиновников теперь есть повод зарыть бюджетные деньги в сырую землю, из которой никто не станет выкапывать якобы проложенные коммуникации. Счетная палата проверяет объекты точно. Выборочное правосудие не коснется того, что неосвязаемо, не блестит, не манит. И вряд ли заработает в тех объемах, как качало в Москве. Лас-Вегас со времен закладки первого казино с экзотичным названием «Фламинго» от Багси Сигела строился 30 лет. Ну, а зоны? В иллюзорные зоны крупные игроки все равно не поедут, потому что им безопаснее играть в подземных катранах столицы, чем в Кукуево на задворках Красно-

дарского края или Калининградской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.